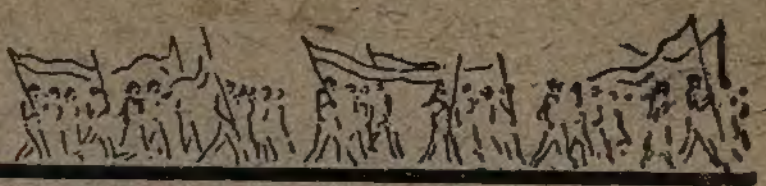
Соколов

СВЕАБОРГ
и
1906 КРОНШТАДТ.

№ 17-18
209
М
1934 354

ЭБ
проверено

ДЕШЕВАЯ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА



№ 209
354

В. Н. СОКОЛОВ

СВЕАБОРГ
и
КРОНШТАДТ

ВОЕННОЕ ВОССТАНИЕ В 1906 г.

1933
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТКАТОРЖАН

ДЕШЕВАЯ
ИСТОРИКО - РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА
Под общей редакцией И. А. Теодоровича

1933 г. № 17—18

П 209
354

801-14
949

В. Н. СОКОЛОВ

СВЕАБОРГ
И
КРОНШТАДТ

ВОЕННОЕ ВОССТАНИЕ
В 1906 ГОДУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТКАТОРЖАН
Москва 1934

ДЕШЕВАЯ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБ-КА

1933 г. № 17—18 (387—388)

Ответственный редактор В. В. Бустрем.
Техн. редактор Н. Леонхард. Сдано в набор 23/X—33 г. Подписано к печати 7/XII—33 г. Формат бумаги 72×105 см. 4 печ. лист. Уполн. Главл. В—68159 7-я тип. Мособлполиграфа, Филипп. 13. Заказ. тип. 1306 Тираж 10.000 экз.

ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

34-1887

2011138480

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эта маленькая книжка имеет свою историю.

В октябре 1906 года в Бутырской пересыльной тюрьме появились сто двадцать семь молодых людей военного звания — солдат и матросов Свеаборгской крепости, осужденные за восстание 17—20 июля того же года.

За малыми исключениями, они были веселы и жизнерадостны: жива была вера, что их скоро отсюда вызволит революция. И ежедневно на прогулках, на большом тюремном дворе, они производили военные упражнения, репетируя новое восстание, пользуясь для репетиций воображаемой артиллерией и сигнальными знаками. Трудно было со стороны незнающему понять всю занимательность их упражнений. Но то оживление и увлекающая горячность, которую они сами вносили в свои маневры, невольно захватывали и наблюдателей...

Собрать у них данные о только-что пережитом ими настоящем восстании, по свежим следам, было нетрудно. Тюрьма еще только подходила к завинчиванию. И сами они чрезвычайно охотно пошли навстречу. Помимо подробной личной анкеты, был получен от них целый ряд непосредственных описаний всего хода свеаборгского восстания с самого начала и до последнего момента. Получены были от них подробные сведения о жизни свеаборгского гарнизона, начиная с октябрьских дней 1905 года, а также переживания и настроения участников после сдачи и во время суда, после смертных приговоров и

замены части их каторгой... Героический и жуткий материал, который нужно было сохранить для истории...

К сожалению это оказалось гораздо труднее, чем собрать. Реакция крепла с каждым днем. Тюрьма завинчивалась. Внутренний тюремный режим день ото дня становился суровее. Частые обыски, конфискации, столкновения с администрацией. Уберечь в этих условиях от конфискации арестантский тюфяк, набитый соломой с бумажными документами (анкетами, таблицами, письмами), представлялось совершенно невозможным. Это было бы и не конспиративно: в письмах упоминался ряд лиц и фамилий, оставшихся вне обвинительных актов, и ряду обвиняемых, уже осужденных, приписывались действия, обвинительным актом им не инкриминируемые. Поэтому требовалась сугубая осторожность в обращении с материалом. Не приходилось также рисковать и с пересылкой материалов на волю.

Исходя из этих соображений, мною составлена была там же, в Бутырской тюрьме, брошюра «Свеаборгская памятка», в которую вошли лишь основные моменты восстания и цифры с расчетом, чтобы возможный провал ее при передаче на волю не мог повлечь за собою никаких дальнейших преследований лиц, прикосновенных к свеаборгскому восстанию. И непосредственные документы были затем уничтожены.

Брошюра благополучно вышла в 1907 году за стены тюрьмы. И, как доходили слухи потом, попала в редакцию журнала «Былое»... Но всякие дальнейшие сведения о ней на этом кончаются.

В печати она не появляется. И в виду ссылки автора на поселение в Сибирь всякие следы этой работы затериваются.

И только случайно в 1931 году брошюра была обнаружена в документах Академии наук. Частично она была опубликована, как «рукопись неизвестного автора»,

в издании ИМЭЛ «Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП(б), ноябрь 1906 года».

Подлинник «Свеаборгской памятки» находится в архиве ИМЭЛ.

Считая, что содержание «Свеаборгской памятки» имеет большой общественный интерес, я позволяю себе опубликовать ее в данное время целиком; к этому обязывает также и память о товарищах-свеаборжцах, охотно делившихся материалами для ее составления

Само собой разумеется, в рукопись 1907 года пришлось внести ряд поправок. Не по существу, а по форме. В нее введен ряд партийных и официальных документов, относящихся к свеаборгскому восстанию. Использованы указания товарищей, принимавших самое активное участие в восстании по поручению ЦК партии (б) и партийных организаций. Введены новые моменты — главы, непосредственно связанные с восстанием Свеаборга: «И грянул гром», составленная по документам Архива революции и внешней политики [1], «Кронштадт» и «Крейсер Память Азова» — по тем же документам и воспоминаниям участников этих восстаний, опубликованным в изд. Ленинградского Истпарта «Восстания в Балтийском флоте. 1905—06 гг.», Лнгр. 1926 [2].

В первоначальный текст работы, написанной в тюрьме, внесены местами редакционные поправки и введены некоторые опубликованные партийные документы. Но в основном тюремная рукопись остается без изменений, сохраняя стиль и настроения своего времени и даже тюремный привкус.

---

[1] ДП 7 д-во № 8, ч. 73, т. XI, 1906 г. О военных беспорядках в Свеаборге, Кронштадте и Ревеле.

Чтобы не перегружать текст сносками, мы ограничиваемся в изложении указанием в скобках номера листа документа.

[2] Из тех же соображений в тексте указываются в скобках страницы названного издания.

И ГРЯНУЛ ГРОМ...

Июльские грозы всегда более полнозвучны и сокрушительны. Согретая солнцем земля жарко дышит, возвращая заряженную теплоту в небо. Раскаленная атмосфера давит и душит. Барометр падает. Трудно и тяжко всему живому. Над землей обильно рассеяно крупнозарядное электричество.

18 июля 1906 года телеграфный провод из столицы Финляндии Гельсингфорса передает тревожную весть в столицу российскую Петербург. Жандармский полковник Жилин в Гельсингфорсе старательно зашифровывает свою тревогу. Департамент полиции в Петербурге методически точно переводит его шифр на русскую грамоту:

> «Свеаборге военный бунт минной роты и крепостной артиллерии, завладевшей батареями и пулеметами. С вечера бунтовщики обстреляли крепость. Есть убитые, Гельсингфорс без войска. Сильно опасаются присоединения к войсковому бунту красной гвардии и социал-революционеров и насилия над офицерами вообще. В связи с бунтом сейчас начались в городе забастовки» (л. 5).

Жандармский полковник Жилин не все договаривает. Он умалчивает о главном—о причинах и

размерах налетевшей грозы. Он боится обвинения его в недосмотре и пытается представить ее случайной и изолированной.

Но тысячеустая молва и обильно рассыпанные везде уши департамента полиции раскрывают тревогу полковника Жилина даже раньше, чем он ее успевает зашифровать.

Одновременно с ним начальник штаба отдельного корпуса жандармов в Петербурге уже сообщает в департамент полиции по телефону:

> «По распространенным на Финляндском вокзале (в Петербурге) слухам, в Финляндии началось всеобщее восстание, в котором участвуют и наши матросы. По официальному сообщению гельсингфорского коменданта, в 60 верстах от Гельсингфорса разобран путь на расстоянии 12 верст, для воспрепятствования доставке войск» (л. 6).

Здесь тоже лишь слухи и частичные донесения. Сила циклона и мощность зарядки достаточно точно еще не выяснены. И намечаются лишь возможные контуры: «всеобщее восстание», «разобран путь»... Глаза, уши и языки государевы впитывают, фиксируют, формулируют по частям, в разных местах. И направляют в одно определенное место, в один универсальный российский адрес: департамент полиции.

И здесь, в этом свалочном месте самодержавия, из разных клочков, обрывков и лоскутков составляется стройное целое: обстоятельно и литературно изложенное описание хода событий. Но это лишь для очень узкого круга весьма посвященных или для истории и потомков. А сегодня лишь накопляются факты и документы. Всяких

рангов большие и малые власти обмениваются донесениями, принимают меры к ограничению и ослаблению событий.

Но уже 19 июля свеаборгский громовой раскат звучит настолько грозно и оглушительно, что финляндский наместник царя, ген.-губернатор Герард, находит необходимым потревожить августейшее спокойствие его императорского величества.

Ровно в полдень сего числа он «всеподданнейше» доносит по телеграфу царю:

Телеграмма

«На имя его императорского величества от финляндского генерал-губернатора Герарда, отправленная из Гельсингфорса 19 июля 1906 года в 12 часов 54 минуты пополудни (л. 28).

В ночь с 17 на 18 июля в Свеаборгской крепости минная рота, а затем крепостная артиллерия подняли мятеж. Остальные части остались верными долгу. Произошло кровопролитное столкновение. С прибытием из Гельсингфорса двух рот 2-го Финляндского стрелкового полка мятежники удалились из крепости, в их руках осталось несколько судов и укреплений на близлежащих островах. Вслед за сим в управлении Свеаборгского порта на Скатудене моряки произвели тоже мятеж. В несколько часов он был подавлен благодаря совместным действиям трех минных крейсеров с моря и 2-го Финляндского стрелкового полка с суши. Мятежники обезоружены, некоторые скрылись. Задержаны 110 моряков и 11 частных лиц, из них один

русский. События эти вызвали волнения в Гельсингфорсе. Красная гвардия и рабочие союзы объявили всеобщую забастовку, до сих пор она осуществлялась лишь частично на частных заводах и мастерских. Желая помешать прибытию войск, красная гвардия повредила вчера железнодорожный путь в трех местах, сегодня он исправлен. Поврежден местами телеграф. Сегодня утром прибыл в Гельсингфорс командир 22 армейского корпуса барон Зальца и батальон пехоты с пулеметной ротой, следуют другие воинские части. Сообщение со Свеаборгской крепостью установлено. Задержанные мятежники предаются суду; также возбуждается уголовная ответственность против виновных в преступных воззваниях и в порче железнодорожного пути. Магистрат и сейм обратились к народу с призывом к порядку. В остальных местах Финляндии порядок нарушен не был. Об изложенном всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству.

Финляндский генерал-губернатор
Герард»

Здесь та же, что и у полковника Жилина, предусмотрительная утайка самого главного: масштаба восстания и его лозунгов. Об артиллерии говорится довольно глухо. Зато подавление мятежных матросов поднеркивается и снабжается точными цифрами. Грозные языки пламени лижут герардовскую телеграмму не для того, чтобы обеспокоить царя опасностью, а для того, чтобы тут же противопоставить им несокруши-

мость и эффективность «своевременно принятых мер».

И вся вторая половина ген.-губернаторской телеграммы царю содержит в себе ряд успокоительных заверений: его величество не должно ни на момент усомниться в том, что его верные слуги всегда во всеоружии и на страже—они выполнят свой долг опричников до конца.

Героическая страница свеаборгского восстания прислужниками власти лишь чуть-чуть приоткрыта в тот самый момент, когда в действительности она уже решительно и бесповоротно была развернута самой историей.

Утром того же 19 июля, когда составлялось царю это донесение, восставшие начали правильную осадную бомбардировку Комендантской крепости, где засели «оставшиеся верными долгу и присяге» стрелки и пехота. Мятежный Михайловский форт содрогался от выпускаемых им снарядов. Оружия всех калибров изрыгали беспощадный огонь по Комендантскому управлению и казармам. Снаряды победно гудели, и каждый из них угадывал в цель. Срывались начисто крыши, каменные стены пробивались насквозь, рушились здания. Беспорядочно в панике спасались из них защитники царской присяги, разбегаясь во все стороны за прикрытия...

Оставались считанные часы, когда Комендантский остров готов будет выбросить белый флаг—символ сдачи!..

Бой развертывался не против Комендантского управления, укрывавшегося за стрелков и пехоту, не за овладение последним из 13 Свеаборгских островов... А против российского самодер-

жавия, за Учредительное собрание, за Землю и Волю.

И, само собой разумеется, восстание не являлось случайным эпизодом местного характера. Оно подготовлялось всем ходом российской революции 1905 года, боевым объединением в ней ее будущих сил—пролетариата и крестьянства — и армии, как их вооруженных резервов. Эти резервы, оставаясь по классовой сути рабоче-крестьянскими, привносили в ход и развитие революции свой специфический характер—боевой организованности, исключительной активности, решительности выступлений и максимальной действенности результатов.

Военная дисциплина, отличный от гражданского быт и наличие оружия неизбежно придавали и особый характер развитию революционного движения в войсках. История этого развития, не отделяясь по задачам и целям от общереволюционной рабоче-крестьянской, в то же время включает в себя и особые, специфические моменты. связанные с положением армии в государстве и с положением в армии широких солдатских масс.

ОТКУДА ЭТО НАЧАЛОСЬ

30 октября 1905 года в свеаборгской крепостной артеллерии возникло первое небольшое волнение. Оно окончилось в тот же день: предъявлены были и немедленно удовлетворены экономические требования. Дальше демонстрации на Соборном плацу волнение не распространилось.

Но с этого момента в виду успеха, который получился в результате мирной демонстрации, среди солдат началось открытое брожение, захва-

тившее и солдат других частей свеаборгского гарнизона и матросов. Масса других забастовок и волнений по России во всех частях армии и постоянный их успех в экономических требованиях укрепляли и в отсталых солдатах сознание, что дело их правое и ни долгу, ни присяге не противоречит. Готовность, с которой начальство «шло навстречу» солдатским требованиям, объяснялось именно отсутствием этого противоречия: солдаты не научились еще связывать эту готовность с необходимостью сделать их сообщниками в гнуснейшей из войн—в войне против своего народа.

Так или почти так начиналось солдатское движение во всех частях русской армии. И везде среднее солдатское сознание сначала удовлетворялось этим наиболее непосредственным, наиболее простым и понятным объяснением попыток начальства сговориться с солдатами на почве их ближайших и понятных им нужд. Только-что начинающему сознательную жизнь русскому солдату, совершенно не искушенному к тому же в политике, не могли притти в голову те (хотя и не сложные, но замаскированные) политические комбинации, в силу которых русское правительство должно было пойти на уступки солдатам. И не только русский солдат, но и громадное большинство так называемого «мыслящего» общества, казалось бы более искушенного, не замечало в тактике «отцов-командиров» ничего, кроме вынужденной уступчивости. Общее руководящее начало, направлявшее эту уступчивость в сторону морального завоевания солдатской массы, не обратило на себя надлежащего внимания со стороны противников самодержавия. А между тем в значительной степени на этой именно так-

тике правительство строило свое дальнейшее «победоносное» существование.

В то время как «мыслящее» общество предавалось послеоктябрьскому ликованию, а пролетариат организовывался для дальнейшей неизбежной войны с вчерашним режимом, правительство трезво учитывало момент. Как и всякое монархическое правительство, оно не либерально по природе своей и поэтому не обманывает себя иллюзиями. Растерявшись на момент в октябре 1905 года, в ноябре оно уже нащупало свою точку и, обозрев позиции, пришло к действительно правильному и разумному для себя выводу. Оно осталось одно против всех—это было для него совершенно ясно: все, кроме официальных сторонников по должности, были его врагами и открыто это высказывали, между тем как о действительных сторонниках можно было получить сведения только через погромный стол департамента полиции.

Академический и акционерный мещанин, размягченный «победой», еще не разобрался в том, в какие социальные дебри может завести его эта «победа». Старый барин-либерал проветривал случайно сохранившийся от аукциона тургеневский идейный хлам и не предчувствовал близости красного призрака. В то же время радикал-барчук с ловкостью эквилибриста[1] и нахальством шарлатана приспособлял под себя добытый другими стул и намеревался занять непременно председательское место. Обыватель простодушно и искренно радовался освобождению своего воротника от лапы городового и ни о чем другом пока не помышлял. Все эти, в большинстве своем

---

[1] Эквилибрист — канатный плясун.

союзники правительства в будущем, составляли плохую опору для него в настоящем.

Старому режиму было, следовательно, ясно, что единственная гарантия его существования — это военная сила, и единственная пока надежда — армия. Как бы ни были основательны расчеты на грядущее предательство либерала и других переметных общественных групп, они не исключали, а скорее обусловливали необходимость обеспечения незыблемости основ в армии и закрепления ее симпатий на стороне отживающего порядка. Армия прежде всего,—а за перебежчиками дело не станет: они явятся сами собою—одни из ненависти к революции, другие из боязни ее. А пока неизбежность вооруженной борьбы с народом и необходимость основательной подготовки к этой войне.

Нужно было, следовательно, чтобы армия осталась верна долгу и присяге, чтобы дисциплина и повиновение загораживали в солдатском сознании все человеческие чувства и проявления, чтобы солдат был зачумлен и одурачен до потери совести, до способности всадить штык в грудь своего родного брата. И хотя проведение этих начал в армии составляло постоянную заботу правительства и было одной из немногих удовлетворительно разрешенных им задач, но японская война и октябрьская революция 1905 года внесли в решение этой задачи некоторую путаницу, в которой и предстояло теперь разобраться немедленно же: ближайшие дни должны были стать решительными.

Предоставив «обществу» справлять праздник свободы и делая уступки в области перемещения декораций—Победоносцевых, Треповых,—прави-

тельство создало для новорожденного русского «гражданина» иллюзию действительной победы, чтобы тем самым вернее отвлечь его внимание от существа. Как охотник, спасающийся от настигающего его медведя, бросает ему шапку, чтобы выиграть время и скрыться, так и правительство, бросая октябрьско-ноябрьские квази-уступки, руководилось именно этим соображением: уступки его были лишь шапкой (старой и изношенной), отвлекающей внимание революции от реальной силы абсолютизма—армии—и от его закулисных махинаций. Сделав этот предварительный шаг, оно в значительной степени развязывало себе руки, чтобы тем с большим вниманием отнестись к следующей задаче—укреплению исконных начал, в армии прежде всего.

И эта задача тоже в значительной степени облегчалась самыми объективными обстоятельствами.

ЖИЗНЬ УЧИТ — ОРГАНИЗУЕТ БОРЬБА

Октябрьская революция 1905 года не коснулась специально армии и ничего не принесла ей, кроме разве задержки в доставке солдат на родину. Разбитая и униженная на Дальнем Востоке, армия нуждалась в моральном реванше, в объяснении и оправдании собственного бессилия.

В поисках этого именно реванша значительные части дальневосточной армии готовы были воспринять лозунги революции сейчас же после заключения позорного мира. И в ряде случаев там же, на Дальнем Востоке (Владивосток, Чита, Красноярск...), армейские части обращали свои штыки против правительства и его политики со-

вместно с революционными организациями рабочего класса.

Но последние были в то время там слабы и не могли организационно охватить и повести за собою по революционному пути миллионные солдатские массы. Тем более, что эти массы все время находились в движении, на рельсах, по направлению в Россию, на родину.

И когда армия возвращалась в Россию, то застала совершенно новую для себя, сложную революционную обстановку, в которой самостоятельно не могла разобраться. Чисто солдатские конкретные требования революцией не были поставлены в порядок дня, а задержка с эвакуацией, вследствие забастовок на транспорте, раздражала. В то же время армия умело пропитывалась правительством погромными лозунгами: «Жиды, революционеры, японцы, подкуп»... Темная армейская масса улавливала здесь и примитивное объяснение дальневосточных поражений.

И если бы не солдатская ненависть к ближайшему своему начальству и колоссальная дезорганизация, охватившая сибирскую армию после позорной войны, правительство могло бы, пожалуй, под флагом национализма подавить революцию в первые же после манифеста дни. Теперь же приходилось сдерживаться и готовиться к этому исподволь.

Армия в целом, за немногими исключениями (Севастополь, Потемкин, Кронштадт), осталась в стороне от непонятой ею революции, в стороне от народа. И когда она, захваченная общим возбуждением, начала вырабатывать и предъявлять свои специальные требования, тем легче оказалась задача правительства в привлечении ее на

свою сторону. Шарлатанство и ложь, его исконные достоинства, помогали ему и в этом случае не менее, чем в каком-либо другом, одурачивать темную солдатскую массу. Кроме специально погромного разврата, пущено было в оборот в несметном количестве (как самый дешевый товар) «сердечное спасибо» за геройскую стрельбу в безоружных соотечественников. В «высокоторжественные» дни это историческое спасибо сдабривалось полтинами и рублями, а иногда в качестве прямой уплаты за предательство и пятирублевками. Заходила чаще обыкновенного казенная чарка казенной водки...

Военное начальство, вопреки своей исконной привычке разговаривать с «нижним чином» с третьего этажа, должно было немного спуститься и пойти «навстречу» нарождающимся солдатским желанием. Мелкие требования солдат из области приварка и мыла если и не выполнялись немедленно, то во всяком случае полковое начальство не скупилось на обещания ходатайствовать об их выполнении. Даже в законодательном порядке «нужды» эти признаны были «подлежащими удовлетворению». И даже появился слух о постановке правительством на очередь вопроса о сокращении срока службы...

И солдатские забастовки росли. Они нередко возникали даже там, где революционная работа среди солдат велась слабо, или она не велась совсем.

Полковое начальство прекрасно понимало, что, давая обещания, оно обманывает солдат: увеличить солдатский паек—это значит уменьшить паек и своих и других интендантских мошенников. А скорее абсолютный монарх станет социали-

стом, чем интендантство изменит свою грабительскую наклонность. Но не давать обещаний было нельзя: побуждаемое сверху и теснимое снизу, оно не имело выбора и шло на обещания в расчете на то, что сорванная им сегодня забастовка завтра не возникнет вновь,—к этому будут приняты меры. Поэтому оно не считало особенно нужным вдумываться в то, что обещает, и как только солдаты успокаивались, оно и само забывало свои обещания.

Неискушенным в борьбе солдатам сильно импонировали предупредительность «отцов-командиров» и их хождение навстречу. Не слыщанные ими до сих пор слова отеческого убеждения, иногда с крокодиловой слезой на усах и в голосе, трогали их и обезоруживали. Простодушно-доверчивые нижние чины поддавались на эту удочку, кричали ура... и оказывались, конечно, одураченными, не сознавая этого сами.

Все это столько же относится к Свеаборгу, сколько и ко всем другим частям армии, принимавшим участие в движении. Психология движения и отношение к нему полкового и высшего начальства были везде одни и те же. Солдаты впервые нащупывали свои права и, побуждаемые общим возбуждением, немедленно предъявляли их к исполнению. Начальство, не отрицая этих прав вполне, старалось что-нибудь выторговать ссылками на долг и присягу и во всяком случае оттянуть уплату. Оно лицемерно подходило к солдатам с компромиссным решением, имея в виду лишь успокоение и укрепление своего морального господства в данный момент.

Но вот обещания начинают не выполняться. Или, выполненные сегодня, завтра вновь забыва-

ются. Вчера, когда солдаты были организованы и настойчивы, начальство говорило с ними «отеческим» тоном и «убеждало», обещая сейчас же рассмотреть и удовлетворить или ходатайствовать об удовлетворении. Сегодня, когда организованность как внутренняя, так и внешняя ослаблялась, солдаты были разрознены,—то же начальство отправляло на гауптвахту без всякого упоминания о вчерашних обещаниях. Факты такого вероломства бывали везде и всюду, и солдаты много о них слыхали и знали. Естественно, что мысль о непрочности тех или иных достигнутых путем забастовки улучшений должна была появиться прежде всего, и не только появиться, но и вызвать следующую мысль, логически вытекающую из первой: как удержать и закрепить то, чего удалось добиться. Идея постоянной солдатской организации с этого момента нуждается уже в практическом осуществлении: мысль о такой организации подсказана самой жизнью.

И военные организации при революционных партиях (особенно у с.-д. большевиков) в 1905 году растут в армейских частях. К концу 1905 года не было уже ни одного достаточно крупного большевистского комитета, который бы не занимался работой в войсках и не имел для этого специальной военной организации.

Дальше, та же жизнь весьма конкретно и показательно на целом ряде примеров учит: если требования, хотя бы и экономические, не дальше щей, предъявляются мирным образом, путем посылки к начальству депутации и отказа итти на работу и отправлять караулы, то в результате получается — в лучшем случае шиш с маслом, в худшем — дисциплинарный батальон, а то и каторга.

Исполняется лишь то, что требуется с оружием в руках. Отсюда новая мысль и дальнейшее сознательное усовершенствование борьбы. Солдаты не ограничиваются голым заявлением требований, сидя в казармах, а выходят всей массой на улицу и устраивают вооруженные демонстрации.

Улица—это естественное и неизбежное объединение солдатских демонстраций с революционными выступлениями рабочего класса. Здесь пролетариат, всегда чутко прислушивающийся к революционным настроениям армии, неукоснительно выступает на их поддержку и вносит в них общее организующее начало, превращая их из чисто армейских в общереволюционные.

Забастовки и демонстрации неизбежно должны были развиться и развились в восстания — киевских сапер, Одессы, Севастополя, ряда дисциплинарных батальонов. Восстания, не подготовленные и разрозненные, скоро подавляются. Но после них остается еще более ясное, еще более рельефное убеждение в необходимости общей солдатской организации для одновременных успешных действий в области улучшения солдатской жизни.

Ноябрьская (1905 года) забастовка петербургских рабочих за отмену полевого суда над кронштадтскими матросами расширяет горизонт мысли среднего, не затронутого пропагандой солдата. Она заставляет его задуматься над отысканием связи между солдатскими и рабочими забастовками, между армией и пролетариатом. Декабрьское восстание в Москве, «подвиги» семеновцев, всевозможные известия со всех концов: о карательных экспедициях, об аграрных беспорядках, об общей войне армии с рабочим народом — все это вызывает все новые и новые мысли, каких до

сих пор еще не было. Возникают новые комбинации, открываются новые стороны жизни, дотоле незаметные, рождаются, наконец, новые вопросы. И все это по поводу происходящих кругом и ежедневно повторяющихся событий.

Специально солдатские, профессиональные нужды в сознании солдат, незаметно для них самих, сначала соединяются, а потом и смешиваются с общими рабочими и крестьянскими. Экономические требования связываются с политическими, солдатская формулировка заменяется пролетарской.

Таким образом постепенно, незаметно, в массе своей даже не отдавая себе отчета, солдаты переходят от полковой крупы к вежливому обращению, от него к демократизации армии, а отсюда к «Учредительному собранию», к «земле и воле». Мирная забастовка с музыкой заменяется вооруженным предъявлением требований, а затем и вооруженным восстанием. Неудачи разрозненных восстаний рождают идею об одновременном, общем. А повседневные факты, рисующие солидарность солдата, крестьянина и пролетария, незаметно превращают в сознании солдат это общесолдатское восстание во всеобщее, всенародное.

Таков приблизительно ход умозаключений среднего, не тупого, не забитого и не развращенного правительством солдата. Так представляется он и по рассказам свеаборжцев.

Нет надобности подчеркивать, что этот путь развития солдатского самосознания происходит не без активного воздействия и влияния наиболее передовых, революционных элементов армии, связанных с партийной организацией. Но необходимо установить, что роль партийных военных

кружков и организаций в солдатских выступлениях всегда оказывается решающей и организующей: привыкший к дисциплине солдат, поворачиваясь задом к своему начальству, сам собою вливается в солдатское партийное ядро и становится под его руководство.

КЛАССОВАЯ ЛОГИКА И ЭСЕРОВСКИЙ АВАНТЮРИЗМ

В то время как солдатское сознание развивалось в одном определенном направлении и солдатская тактика совершенствовалась, правительство круто изменило свою политику. Сбросив маску лицемерной заботливости о нижнем чине, оно обнажило прежнюю самодержавно-волчью физиономию.

После декабрьской победы над пролетариатом правительство принялось за приведение армии в должный порядок. Водворению в ней поколебленных начал оно придавало несравненно большее значение, чем выборной агитации, не без основания рассчитывая больше на штык, чем на язык. И совершенно спокойно поэтому оно предоставило либералам поле действия при выборах в первую думу и, создав им таким образом иллюзию правительственного бессилия, обратило все внимание на армию.

С этого времени даже мелкие требования солдат жестоко караются. «Хождение навстречу» и «отеческие» увещевания сменяются грозными окриками, военными судами, дисциплинарными батальонами. Бунтовские команды раскассировываются или целыми частями объявляются в опа-

ле—это с одной стороны; с другой — по адресу «оставшихся верными» — еще более «сердечные» спасиба, грубая лесть, задариванья. На Дон и Урал к казакам летят царские гонцы с жалованными царскими грамотами.

Разбитый пролетариат бессилен был помешать этому, как помешал он раньше расправе над кронштадтскими матросами. Либералы никогда не имели для этого не только силы, но и понятливости и даже желания. И правительство спокойно продолжало «собирание армии» даже и тогда, когда объявившийся «таврический комар»[1] вступил в дерзостное единоборство с самодержавным слоном. Романовский слон оказался умнее крыловского и правильнее представлял себе положение. Благодаря этой правильности учета сил он не только мог 8 июля раздавить самого комара, но и перейти по всей линии в быстрое и решительное наступление.

Первой жертвой этого наступления и оказался Свеаборг. Взяв эту крепость революции, правительство уже не знало удержу: враг был разбит по частям, а пока он соберется вновь, к многому можно будет подготовиться.

Начавшиеся в свеаборгском гарнизоне с октября солдатские собрания и митинги в январе должны были прекратиться совершенно: из пехотных частей и казаков образованы были патрули, которые мешали собираться даже малыми группами.

Но никакая реакция не может быть проведена с одинаковой настойчивостью на протяжении долгого периода — это физический закон.

---

[1] Так иронически называли государственную думу.

В марте опять начались собрания по кружкам и, быстро развиваясь и распространяясь, к лагерному времени снова переходят в митинги. Но теперь они в силу необходимости переносятся в Гельсингфорс, т. е. в сторону от крепостного гарнизона, и таким образом из замкнутых солдатских становятся общими пролетарскими. Обстановка митингов разнообразнее и интереснее и привлекает солдат в не меньшем количестве, чем полковые митинги. Солдаты всех родов оружия охотно отправляются на них и с увлечением слушают речи. Движение так распространяется, что с июня командир Свеаборгского порта приходит к необходимости начать борьбу специально с митингами.

На гельсингфорских митингах вопросы ставились шире и обсуждались разностороннее, основательнее. «Говорили о рабочем деле, о крестьянах, — вспоминают свеаборжцы, — о думе, о земле, о необходимости общей борьбы за благо всего народа».

Отсюда материал приносился в тесные солдатские кружки гарнизона и вновь обсуждался с точки зрения чисто солдатской. Приносились и открыто читались всеми прокламации, вносившие новый материал и группировавшие около организации малосознательных солдат.

Лагерная жизнь с ее относительной свободой давали большую возможность вести работу, чем зимой в казармах. Поворот полкового начальства в сторону восстановления дисциплины послужил толчком к привлечению в разряд недовольных и таких элементов, которые раньше относились к движению более или менее равнодушно.

Собралась первая дума и очень скоро обнаружила свое бессилие. Солдаты смутно, классовым чутьем, угадывали причины думского бессилия и непонимания. И инстинктивно приходили к мысли о необходимости и неизбежности вооруженной общенародной борьбы. Но так же смутно они надеялись на то, что дума (вопреки пословице о горбатом в могиле) «выправится», и с жадностью следили за словопрениями, хотя от них оставалось всегда чувство неудовлетворенности.

«Все это было не то», вспоминают они теперь в тюрьме.

Из глубины России и с окраин приносились вести о развертывавшемся аграрном движении, о «наглом и свирепом произволе» в деревне правительственных агентов. Там «жгли, расстреливали, вешали, артиллерийским огнем разрушали города и сносили деревни»[1] истязали и насиловали жителей, разоряли целые местности. Там было решительное, безапеляционное, непоправимое дело, которое, совершившись раз, уже не могло быть исправлено и требовало, вопияло о вмешательстве до своего свершения. Вмешательство должно было быть энергичным и решительным делом, а не словом: силе должна была противостать сила же — к этому обязывала логика событий. Но дума противопоставляла этому только слово, бессильное и потому пустое, не способное устранить и не устранившее ни одного зверства, ни одной казни, не спасшее ни одной жизни. Расправы, погромы и бессудные казни совершались и при думе так же, как совершались

[1] Из писем свеаборжцев.

они и до нее. И ее словопрения в виду полной их бесполезности казались ненужными, смешными и жалкими...

«Злоба бушевала в сердце, руки сжимались»!

Таково было настроение солдат. Но пусть не обольщаются думские говоруны: злоба эта одинаково распространялась и на думу, как и на правительство,—на думу за приверженность к разговорам там, где нужны были решительность и действие.

В этот же промежуток времени, в период собирательной деятельности правительства и непростительной бездеятельности думы, у свеаборжцев созрела и окрепла политическая мысль. В связи с теми или иными репрессивными мерами местных военных властей, вопрос о восстании в свеаборгском гарнизоне поднимался не раз и горячо дебатировался солдатами. Но опыт предыдущих восстаний в других местах заставлял свеаборжцев «душить свою злобу» и откладывать выступления. Не раз во время думы являлись поводы для конфликтов с начальством, но эти конфликты не выходили наружу: солдаты сдерживались исключительно потому, что не хотели повторять ошибок прошлых восстаний.

— Еще в начале июня,—рассказывают свеаборжцы,—были выбраны боевые комитеты на случай восстания.

И все же солдаты держались со своим начальством менее вызывающе, чем раньше.

Это очень важное указание на выбор боевых комитетов. Очевидно здесь имеются в виду подготовительные мероприятия финляндской военной организации (большевиков).

К этому времени, по докладу руководителя финляндской военной организации т. М. А. Трилиссера на конференции военных и боевых организаций в ноябре 1906 г.[1],

«в центральной группе Финляндской военной организации был образован военно-боевой центр. В этот военно-боевой центр входили представители красной гвардии и специалисты — члены финляндской организации (среди них и т. Емельянов, офицер артиллерийского свеаборгского гарнизона). Туда же входил и председатель центральной группы.

Задачей этой коллегии являлась выработка плана действий в момент восстания (координация действий армии и финского пролетариата).

Военно-боевой центр немедленно, хотя и не окончательно сконструировавшись, приступил к работам. Была выделена разведочная комиссия, которая должна была собирать материал, сведения, изучать те условия, при которых восстание должно будет протекать. Центральная группа пыталась разрешить другую проблему: объединение военных организаций, хотя бы соседних.

В то же время эсеровская организация предложила нашей вступить в соглашение.

Исходя из соображения, что с эсерами допустимы только боевые соглашения при строго определенной боевой цели, при предварительном учете их силы и влияния, финлянд-

---

[1] ИЭЛ, «Первая конференция военных и боевых организаций». Ноябрь. 1906 г. Партиздат. Москва, 1932 г., стр. 73—74.

ская организация отклонила предложение эсеров (эсеры сравнительно недавно образовали свою организацию), предложив со своей стороны создание комиссии только информационного характера. Последняя была образована.

Приблизительно недели через две после этих разговоров с эсерами последние приглашают нас на экстренное собрание. Выясняется, что приехал от эсеровской организации в Кронштадте представитель, который от имени Кронштадта заявил: «Так как Кронштадт поднимается на-днях, то предлагаем Свеаборгу поддержать нас».

Эсеры поддерживали это предложение. Представители финляндской организации отвергли это предложение, указавши на то, что такое выступление должно быть санкционировано партией, которая, учитывая возможность этого выступления, должна выработать общий план действий. Что же касается Свеаборга, то подготовительные работы только начались, и если возможно вызвать там восстание, то нет никаких данных для планомерного его проведения.

После долгих и острых дебатов, была принята предложенная финляндской организацией РСДРП(б) резолюция, которая говорила о том, что и та и другая сторона энергично готовятся к выступлению, и Кронштадт во всяком случае не выступит раньше извещения о готовности Свеаборга поддержать это выступление.

Такое же решение — не выступать сейчас — должны были принять и свеаборжцы как на-

шей организации, так и эсеровской, или, вернее, организации капитана Циона, как анархиста, исключенного из финляндской организации РСДРП и связавшегося потом с эсеровской группой в Гельсингфорсе».

Но атмосфера в Свеаборге сгущалась. Начальство, по всей вероятности, что-то уже чуяло, потому что принялось взыскивать с солдат за путешествия в Гельсингфорс и посещения митингов.

За две недели до восстания матросы получили в обед мясо с червями. Они вызвали капитана Павлова и спокойно объяснили ему, в чем дело. Тот немедленно поручил им выбрать одного для наблюдения за приемкой провизии. Возвратившийся командир захотел сделать по этому поводу «отеческое» внушение и, собрав матросов, стал говорить на тему о том, как нехорошо они поступили. Когда же матрос Карпов вышел из фронта и спросил: «хорошо ли кормить людей червями», то командир смутился и начал прощаться. Никто ему на его прощальное приветствие из команды не ответил. И командир немедленно же самоустранился от командования. Его заместитель лейтенант Шилинг с первого же дня своего вступления принялся за сыск и репрессии.

На ряду с ростом организационного сознания углублялась и расширялась и формулировка восстания. Свои, местные, чисто солдатские лозунги вырастали до общих и общенародных. Прошло едва полгода после безобидной демонстрации на Соборном плацу, и солдаты уже «готовились к всеобщей российской революции», готовились к восстанию за «народное дело».

И 18 июля свеаборгский гарнизон целью выступления поставил борьбу за «Учредительное собрание», за «землю и волю».

«К сожалению, не дождавшись всего народа, мы вынуждены были начать,— пишут сами повстанцы,— хоть у нас и было распоряжение организации (финляндской военной) обождать, но терпение лопнуло, и дело началось».

В этом трагедия свеаборгского восстания — в невозможности расширить рамки терпения, в невозможности организационно охватить и сдержать стихийно и быстро нараставшее революционное настроение. Но с другой стороны, в сознании вынужденности выступления, в наличности народившегося, но еще неясно выраженного желания подчиниться организации и «обождать» — в этом скрывается великий залог того, что организованность уже пришла. Необходимость ее сразу в момент восстания выдвинулась в сознании свеаборжцев и встала вровень с революционностью.

И таким образом Свеаборг является чрезвычайно важным, классическим моментом революционного кризиса армии. Он должен рассматриваться, с одной стороны, как завершение стихийных военных вспышек, как кульминационный пункт выросших до общенародной революции солдатских выступлений; с другой стороны — это исходный момент организационного роста сознательных элементов армии, начало организованного вступления в круговорот классовой революционной борьбы, плечо к плечу с пролетариатом.

В этом чрезвычайно важное значение и большое преимущество свеаборгского восстания по сравнению с другими, бывшими до него.

ОТСТУПИТЬ В ПОРЯДКЕ, ИЛИ ИТТИ ДО КОНЦА!

15 июля 1906 года в минной роте поднят был вопрос по поводу прекращения «винной порции». Комендант ответил, что она отменена. Солдаты настаивали на ее возвращении и не пошли на занятия.

Казалось бы, предлог забастовки самый патриотический: о том, что начальство часто спаивает солдат и по собственной инициативе, в виду «отечественных» надобностей, говорить не приходится. Но дело в том, что «винная порция» выдавалась не вином (тогда бы, может быть, и речи об ее отмене не поднималось и солдаты так упорно за нее не держались бы), а деньгами. Существовала она давно и не составляла революционного приобретения октябрьской эпохи. Так что и с этой стороны не могла служить начальству укором, как напоминание о его вынужденных «встречных хождениях». Вероятно, финансовые затруднения, а еще вероятнее циркуляры об улучшении «пищевого довольствия» заставили полковое начальство посягнуть на солдатскую «винную порцию» и выразить намерение обратить ее на означенное пищевое улучшение. Заботы об интересах интендантства, а может быть, и своих играли здесь не последнюю, если не главную роль. Начальство покушалось на замену этой порции несколько раз, но всегда наталкивалось на противодействие солдат. Теперь же вновь назначенный капитан Ильин, как пресловутая новая метла, открыл скорые и решительные действия. Он отказался вступать с солдатами в переговоры. И утром 15 июля минеры получили вместо «винной порции», т. е. денег, бе-

лый хлеб. Они разбросали его по баракам и объявили забастовку, т. е. не пошли на занятия.

В ответ на это комендант обезоружил минеров и арестовал их на месяц. Сделано это было с помощью двух рот пехоты, которые целиком и были поставлены на караул около арестованных. Так что в течение месяца две роты одних солдат должны были охранять одну роту других, своих же солдат. Положение поучительное. Кроме того, собственной властью (очевидно, «вся полнота власти» уже тогда была у каждого офицера) комендант разжаловал всех унтер-офицеров, фельдфебелей, ефрейторов в рядовые и обещал отдать под суд.

Арестованные минеры обратились за поддержкой к артиллеристам. 16 и 17 июля у артиллеристов по этому поводу состоялись собрания по кружкам. Возможно, что эти собрания окончились бы ничем или во всяком случае конец их мог бы быть не таким, каким стал впоследствии. Но начальство проведало об этих кружковых собраниях и решило сразу взять быка за рога. В ночь на восемнадцатое предложено было поступить с артиллеристами так же, как и с минерами, т.-е. обезоружить и арестовать. Артиллеристы в свою очередь тоже проведали о замыслах начальства... и решили предупредить их.

Такова прелюдия. В сущности ничего особенного в желании солдат самим распоряжаться «винной порцией» не было: желание это так же далеко от революции, как и «винная порция» от «земли и воли», этого лозунга восстания. Но полковое начальство, получившее инструкции сверху о прекращении беспорядков «всеми мерами», склонно было во всяком, даже малейшем проявлении сознательности видеть уже серьезный беспорядок и

поступать по инструкции, «не останавливаясь перед строгостью». Не настолько умное, чтобы обсудить прецедент, оно оказалось, однако же, настолько решительным, чтобы не только реагировать на уже совершившийся факт, но и подавить его до возникновения, так сказать, в зародыше, предупредить возможные (но еще не вероятные) последствия. И по обыкновению, как свойственно начальству, принялось по-медвежьи. Результаты получились как-раз обратные тем, которые ожидались. Такова уж, очевидно, неизбежность общего хода вещей в революции, что и такое мелочно-экономическое явление должно было развиться в грозное революционно-политическое событие.

И недаром Ленин, всегда отчетливо представлявший себе настроения масс и немедленно на них реагировавший, спешит набросать по поводу Свеаборга:

Проект постановления[1].

«Исполнительная комиссия СПбургского комитета РСДРП в виду полученных из Свеаборга экстренных сообщений о крайнем обострении положения в этом городе и о возможности немедленного взрыва постановляет:

1) послать немедленно в Свеаборг делегацию из товарищей NNNN[2];

---

[1] Взято из книги ИМЭЛ «Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП», стр. 251—252.

[2] Там же. Примечание редакции: «Через В. Р. Менжинскую ЦК направил в Свеаборг рекомендованных Лениным четырех товарищей Шлихтера, Лядова, Землячку и Трысова».

2) поручить этой делегации принять все меры для тщательного выяснения положения дел на месте;

3) поручить ей повлиять на местных членов партии и революционеров и население в том смысле, чтобы добиться отсрочки выступления, если только это возможно без крайних жертв со стороны населения в смысле ареста правительством уже замеченных лиц;

4) поручить той же делегации в случае полной невозможности остановить взрыв принять самое деятельное участие в руководстве движением, т. е. помочь выступившим на борьбу массам организоваться самостоятельно, разоружить и истребить реакцию, предпринять по надлежащей подготовке решительные наступательные действия и выступить с правильными и действительно революционными, способными увлечь народ лозунгами.

ВЫХОД ОДИН — ПОБЕДИТЬ!

Крепость Свеаборг — это тринадцать укрепленных маленьких островов, полукругом защищающих с моря столицу Финляндии Гельсингфорс. В последовательном порядке, с востока на запад, это будут острова: Дегере и Лагерный, на котором расположены батальон крепостного пехотного полка, минная рота и три роты артиллерии; затем острова Михайловский, Александровский и Артиллерийский — главные форты крепости; далее к северо-западу Комендантский остров с комендантским управлением и церковью, Инженерный, Стрелковый, Госпитальный, Ключевой и Николаевский. Почти в центре этого полукруга на-

Свеаборг

ходятся острова Опасный и Договорный, приспособленные для хранения огнестрельных припасов.

И со стороны материка, почти от самого центра Гельсингфорса, по направлению к Александровскому форту выдается в море полуостров Скатуден. На нем расположены казармы морского ведомства и тюрьма. А на рейде, к востоку от полуострова,— минные крейсера и миноносцы.

Такова общая диспозиция, на которой затем развертывались события.

Вечером 17 июля на Лагерном острове, где стояли три артиллерийские роты (6, 8, 9) и учебная команда, солдаты собрались после переклички на линию перед лагерем, чтобы окончательно принять то или иное решение.

Из того, как поступили с минерами, для артиллеристов было ясно, что мирные требования и музыкальные демонстрации будут встречены пулеметами. И уж если одни разговоры о поддержке товарищей возможны лишь с оружием в руках, то в какой же форме должна быть выражена самая задержка? Ясно, что формой этой может быть только общее восстание.

В предвидении этого с утра еще отправлены были в город (Гельсингфорс) уполномоченные для переговоров с военной организацией. Им поручено было передать о происшедшем и создавшемся в связи с намерением начальства положении, а также выяснить отношение организации к данному выступлению и получить необходимые для него указания.

Теперь делегаты возвратились. Организация указывала на несвоевременность выступления, на необходимость наряду с лучшей подготовкой согласованности солдатского выступления с рабо-

чим и крестьянским. Указывая на то, что в настоящем своем виде свеаборгское движение является совершенно изолированным даже в своей узко военной сфере, организация предлагала отложить окончательное выяснение вопроса о восстании хотя бы до возвращения флота.

Среди солдат циркулировали пущенные и раздутые эсеровскими хвастунами слухи о готовности к восстанию Кронштадтского флота. В частности рассчитывали на возвращение из учебного плавания свеаборгских броненосцев «Цесаревич», «Богатырь» и «Слава». Они должны были не сегодня-завтра вернуться. И со слов тех же эсеровских кумушек, эти броненосцы считались совсем «своими». Солдаты эсеры даже передавали, что в Гельсингфорс специально для руководства восстанием приехал член эсеровского центрального комитета[1].

Вполне естественно поэтому, что трезвые расчеты и доводы делегатов военной организации шли мимо ушей уже раздраженной солдатской массы.

Доводы эти выслушали и приняли к сведению. Против основательности их никто не возражал. Но создавшееся положение почти исключало возможность откладывать и выжидать в виду предстоящей в эту ночь вылазки начальства и связанного с нею разоружения. Разоружение исключало уже всякую мысль не только о поддержке минеров, но и о собственной защите от еще незаслуженной жестокой расправы. Оставалось, значит, одно из двух — или прикончить всякие разговоры и дать

---

[1] Там были Чернов и Эвно Азеф — гнуснейший из провокаторов.

совершиться расправе над товарищами и над собой, или выступать с оружием в руках и попытаться победить. Приподнятое настроение подсказало именно последний выход, тем более, что флот ожидался через два дня, и до него можно было вполне продержаться, если захватить оружие и занять хотя бы один из фортов.

Так рассуждали солдаты и решили немедленно открыть действия.

С криком «ура» они возвратились к палаткам, захватили ружья и боевые патроны и, собравшись вновь, сделали несколько сигнальных залпов в воздух. Затем отправились на Михайловский форт, как более удобную позицию как для нападения на крепость, так, в случае надобности, и для защиты. Команда этого форта, состоявшая тоже из артиллеристов, ожидала их уже вполне готовая и тотчас к ним присоединилась.

Сообща заняли они батареи, открыли склады и погреба и уже из орудий дали новый сигнал к восстанию. А затем, зарядив как шестидюймовые пушки, так и одиннадцатидюймовые мортиры на батареях, ждали распоряжения своих командиров, чтобы начать уже боевое выступление.

Примкнувшие к восстанию офицеры Емельянов и Коханский [1] взяли на себя командование фортом и исполняли это искренно и беззаветно. Кроме того, как это всегда бывает, из солдатской массы немедленно выделились сознательные элементы в качестве импровизированных командиров и оказа-

---

[1] Непосредственно связанные с финляндской военной организацией социал-демократов (б). В обвинительных актах фигурирует еще штабс-капитан Цион. Но он, по замечаниям самих солдат, непосредственно в восстании не участвовал, а отсиживался в Гельсингфорсе

лись ничуть не хуже, если не лучше, вырабатываемых военными школами дворянчиков. Одно несомненно: им подчинялись не за страх, а за совесть, что чрезвычайно редко в частях, остающихся верными.

В то время как происходило занятие и укрепление Михайловского форта, солдаты 2-й нестроевой роты, рабочей, специальной и лабораторной команд, услышав сигналы, тоже вооружились. Они взломали ближайшие к ним склады и достали пулеметы. Затем направились к гауптвахте, сняли там караул и освободили арестованных солдат-агитаторов. 2-я же строевая рота дослушивала в этот момент увещания своего командира и доводы его из области присяги и дисциплины. И когда заряженные пулеметы прибыли сюда, то увещания были уже дослушаны, и увещеваемые, вооруженные в свою очередь, присоединились к товарищам.

Первую и пятую роты артиллеристов к этому времени успели уже арестовать и обезоружить. И восставшие с пулеметами отправились на выручку этих рот.

Около церковного сада, где 30 октября 1905 года была первая демонстрация, они были остановлены ружейными залпами: стреляли из сада, и стреляла пехота, которую начальство успело поместить здесь в засаду. Восставшие открыли по саду правильный ружейный и пулеметный огонь, но выбить оттуда пехоту не удалось: наступившая ночь прекратила военные действия.

Ночью повстанцы отступили, потеряв двух убитых и несколько раненых, и укрепились на более удобных позициях. Распределена была прислуга к пушкам и пулеметам, расставлены караулы и от-

правлены люди и подводы за новыми пушками и новыми боевыми припасами. После всех этих приготовлений стали ждать рассвета.

Из доклада руководителя финляндской военной организации РСДРП(б) [1]:

«Часам к 4 утра (на 18 июля) на квартиру штаба явились т. Емельянов и артиллерист с Михайловского острова. Их послали восставшие к организации с запросом о дальнейших действиях и с предложением поднять суда и флотскую казарму для обеспечения возможности доставки провианта. На совещании, тут же устроенном, были приняты следующие решения:

Так как в восстании Свеаборга активное участие приняли семь артиллерийских рот (из десяти, остальные три пассивно) и об отступлении думать поздно, развить энергичные наступательные действия, парализуя ближайшие пункты к Михайловскому острову (Инженерный остров, Лагерный), которые могли бы мешать планомерности наступления, затем, поставив ультиматум, сосредоточить огонь на Комендантском острове, где засели правительственные войска с комендантом. Флоту, если бы он показался в водах Гельсингфорса, раз нет определенных от организации полученных сведений о его переходе на сторону восстания, дать приблизиться на расстояние обстрела и открыть огонь, стараясь нанести по-

---

1 ИМЭЛ. «Первая конференция военных и боевых организаций», стр. 76

вреждения, затем уже предложить присоединиться.

К такому решению побуждало полное отсутствие проверенных сведений относительно поведения флота.

Затем были распределены функции между членами финляндской военной организации.

Снесшись по телефону с флотской казармой, условились в 8 часов утра подняться».

На Александровском острове осталась минная рота, обезоруженная и под охраной двух пехотных рот. Ее не освободили вначале, а потом, уже укрепившись на Михайловском форте, не могли освободить, точно так же, как 1-я и 5-я роты артиллеристов.

Таким образом минная рота, послужившая непосредственной причиной восстания, не могла принять в нем участия, была как бы отрезана от него. Единственно, что ей оставалось делать, это держать себя вызывающе, чтобы не дать возможности охране принять участие в подавлении восстания. Командир минной роты предложил им взять винтовки и итти на усмирение. Минеры отказались и потребовали отправить их на остров Дегере: они надеялись оттуда перебраться на Михайловский форт. Но в ответ на это получили грозное обещание расстрела из пулеметов. Охрана их тоже была увеличена. И минеры все время оставались невольными зрителями восстания, хотя это не помешало им предстать перед военным судом вместе со всеми, в качестве активных участников, и наравне с другими итти на расстрел и каторгу.

Таким образом, Михайловский форт с самого начала явился как бы центральным пунктом восста-

ния: здесь сосредоточены были главные силы восставших, и отсюда, повидимому, исходили и все распоряжения. Так что он сам собою сделался и штаб-квартирой.

Но с захватом и оборудованием Михайловского форта восстание еще не провозглашено формально, так как предстояли еще переговоры с крепостью, т. е., вернее, с Комендантским островом. Их отложили до утра. И хотя особенного сопротивления от крепостного гарнизона не ждали, тем не менее считали все-таки нужным укрепиться на Михайловском форте: в крайнем случае здесь можно было продержаться до прибытия флота.

Однако уверенности в том, что крепость присоединится, не было.

СОБАКЕ — СОБАЧЬЯ И СМЕРТЬ

В 4 часа утра в заливе по направлению к крепости показался катер. Это командир артиллерии генерал Агеев и полковник Натора ехали в крепость. Они были на даче, когда начались беспорядки, и теперь спешили для расследования и, если окажется нужным, для увещевания. На требование патрулей пристать к берегу начальники предпочли отмолчаться и продолжали путь. Их предупреждают, что будут стрелять. И полковник Натора рассыпает в ответ угрозы и ругательства. Солдаты дали залп и ранили его в ноги. Генерал-майор Агеев лег на дно катера и приказал гребцам исполнять требования патруля.

Это чрезвычайно характерная сцена, чтобы пропустить ее как частность из общего описания. Здесь ярко выступает как психология отношений между высшими и нижними чинами, так и каждая

из этих сторон в их непосредственной искренности.

Начальство, недовольное нарушением дачного покоя, едет на расследование, извергая проклятия и непечатную брань по адресу «мерзавцев», пренебрегающих дисциплиной и смеющих чего-то там требовать... На пути его останавливают, и останавливают не обычным «здравия желаем, ваше-ство!», а тоном знающей себе цену равной воюющей стороны. Начальство свирепеет: «Как?! Бунтовщики! И еще смеют разговаривать!!» Возмущение полковника Наторы было самое искреннее, он присовокупил, вероятно, самую лучшую брань, какую только смог усвоить за долгую службу до полковничьего звания. В него стреляют, но стреляют в ноги, чтобы не убить, так как это еще не есть открытые военные действия и убийство будет просто убийством, унижением восста-ния. И залп в полковничьи ноги есть исключительно результат его ругани и ничего больше: гребцы и генерал не были даже задеты. Но доблестный служака во всем величии своего генеральского чина и с риском замарать мундир (пылью) ложится на дно катера и дает приказание гребцам слушаться солдат.

Катер пристает к берегу, и генерал со слезами просит в него не стрелять. Его обезоруживают и отправляют в караульную под наблюдение часового, т. е. попросту арестовывают. Полковник приказывает помочь ему выйти из катера и, когда это было сделано, снова разражается бранью. Должно быть, полковник Натора во всю свою службу не говорил с солдатами иначе, как при посредстве трехэтажной брани: в противном случае он в такой момент сдержался бы. Некоторые сол-

даты хотели его тут же расстрелять, но другие, более сердобольные, отговаривали и даже просили отправить в приемный покой. Решили отправить. Двое радетелей взяли полковника и понесли в лазарет. А он при каждом движении, причинявшем ему боль, продолжал с неослабленной энергией изрыгать непечатную брань по адресу поддерживавших его. Тех, наконец, взорвало.

— А ну его к чорту, ребята! Он нас и за людей не считает — лается и лается. Пусть, если так, здесь издыхает!..

И, не дойдя до лазарета, они оставили его одного на мосту через пролив. Отборные ругательства полковника не прекратились и тут и продолжались до тех пор, пока кто-то из проходящих мимо подведомственных ему нижних чинов, вспомнив прежние над ними издевательства бравого служаки, сбросил его в пролив.

— Собаке — собачья и смерть!..

Оттуда извлекли полковника уже по окончании восстания.

ВОССТАНИЕ УКРЕПЛЯЕТСЯ

Через два часа после этой сцены, т. е. около 6 часов утра 18 июля, к коменданту крепости посланы были депутаты с требованием присоединиться. Депутаты были арестованы.

С этого момента начинается уже формальное объявление восстания. На Михайловском форте поднимается красный флаг с надписью: «Учредительное собрание», «Земля и воля». И с батарей началась бомбардировка крепости. Залпы были не часты, но продолжались без перерыва до 7 часов вечера.

В это же утро на полуострове Скатуден, где находился портовый двор, волновались матросы.

Еще с вечера они слышали сигнальные залпы. Но, предполагая, что это учебная стрельба, оставались на своих местах. Только утром около 6 часов, т. е. приблизительно в то время, когда артиллеристы отправляли депутатов к коменданту, матросы получили известие о восстании. Но до 8 часов все еще не было определенных вестей. И они тоже ничего определенного не предпринимали. Только когда явился фельдфебель для обычного наряда на работы, дан был приказ на работы не ходить. А вслед за этим назначенный ранее руководитель сделал распоряжение горнисту играть тревогу. Матросы немедленно вооружились, подняли красное знамя, «стали во фронт» и сигнализировали выстрелами восставшим о своем присоединении. Немедленно сосчитаны были люди, расставлены караулы... В это время явилось начальство — лейтенант Басов, капитан Карпов и фельдфебель Черников,— которое тут же было арестовано и заключено в карцер.

После этого предприняты были переговоры со стоящими в порту судами «Финном» и «Эмиром бухарским» о том, чтобы те присоединились к восстанию.

Но там командиры судов успели принять меры. Ненадежная в глазах начальства часть команды заблаговременно была заперта внизу. И оба судна в ответ на предложение присоединиться открыли по восставшим матросам стрельбу из пулеметов. А мичман де-Ливрон отъехал от крейсера «Финн», чтобы сорвать развевавшийся на флагштоке красный флаг. Матросы хотели его арестовать, но мичман воспротивился и взялся за револьвер,

вследствие чего и был тут же убит. В кучку, собравшуюся по этому поводу около флагштока, «Эмир бухарский» выпустил разрывную гранату. А вслед за этим с обоих судов был открыт по восставшим непрерывный огонь.

Матросы, сравнительно слабо вооруженные, не имевшие ни пушек, как артиллеристы, ни пулеметов, как обстреливавшие их суда, долго держаться, разумеется, не могли. Решили поэтому оставить порт и соединиться с артиллеристами. Но и это сделать им не удалось: приняты были меры к локализации восстания. И матросов встретили и не пустили дальше рота пехоты и финляндская белая гвардия. Матросы должны были разделиться — часть отправилась в Гельсингфорс, чтобы попытаться оттуда проникнуть в Михайловский форт, что им потом и удалось, другая же часть соединилась с отрядом красной гвардии и вместе с ней вела партизанскую войну против белой гвардии и пехоты. Доклад руководителя финляндской военной организации[1] так характеризует эту партизанскую борьбу:

> «Город Гельсингфорс в тот момент представлял собой небывалое зрелище. Редкий из граждан-финнов сидел дома. Все высыпали на улицу. Особое оживление царило среди рабочих. Их призывали к всеобщей забастовке. На стенах и столбах были расклеены воззвания, призывающие бастовать. Воззвания эти были подписаны... капитаном Коком[2]. Послед-

---

[1] ИМЭЛ. «Конференция военных и боевых организаций», стр 77—78.

[2] Капитан Кок — начальник бывшей красной гвардии, член финской социал-демократической партии.

Правительственные войска преграждают путь восставшим, плывущим в Гельсингфорс.

нее обстоятельство значительно повлияло на дальнейшее движение финского пролетариата в эти дни. Какой бы популярностью ни пользовалось имя капитана Кока в рабочих массах, оно во всяком случае не могло явиться таким авторитетным, как имя партийного правления финской социал-демократической партии. И если бы последнее призвало к забастовке, забастовка, несомеппно, была бы всеобщей. Однако надо отдать справедливость финскому пролетариату. В Гельсингфорсе около 250 рабочих, тогда еще красногвардейцев, вместе с несколькими матросами отправились на Михайловский остров в поддержку артиллеристов (последние нуждались в стрелках).

В других местах, как, например, вблизи Або, в Вильманстранде, Рихимяках (в первых двух под влиянием членов военной организации) рабочие портили полотно железной дороги, взорвали мост.

Но все же приходится отметить отсутствие планомерности и в действиях финских рабочих, отсутствие, я бы сказал, боевой организации пролетариата. Красная гвардия показала себя организацией, более приспособленной к парадным выступлениям рабочих, нежели к непосредственному бою.

Интересно отметить, что не безучастной к совершающемуся осталась и финская буржуазия. Если финские рабочие геройски шли умирать вместе с восставшими солдатами, финские буржуа старались всячески противодействовать рабочим. Боевые дружины фин-

ских капиталистов — «белая гвардия» — заняли трамваи и под угрозой расстрела заставляли ездить трамвайных служащих. В рабочих, пытавшихся остановить трамваи, белогвардейцы (не хуже наших казаков) стреляли...

Но стоило белой гвардии наткнуться на засаду восьми или десяти матросов (которые, одевшись в вольное, делили судьбу красногвардейцев, скрывавшихся в лесу, в предместье Гельсингфроса), как матросы одним залпом из винтовок разогнали восемьдесят белогвардейцев, вооруженных маузерами и браунингами. Потеряв в этой стычке человек пять или шесть убитыми, «геройская» гвардия буржуазии поспешила сдать свое оружие полиции. Вскоре после этого в лес, где скрывались красногвардейцы и бежавшие из казарм матросы, были посланы и казаки, чтобы оцепить скрывшихся. Но раньше, чем цепь успела сомкнуться, беглецы благополучно прошли все в город».

Вечером 18-го на Михайловском форте, ставшем главным центром и оплотом восстания, выбрана была новая депутация к коменданту. При этом достойно внимания то обстоятельство, что требования — сдачи крепости, освобождения арестованных утром депутатов и неприкосновенности новых — подписаны были арестованным утром и находившимся в плену генералом Агеевым. Депутаты, и те и другие, действительно возвратились. Но сдать крепость комендант отказался. Вместо этого он отправил за подкреплением в Гельсингфорс. Оттуда ему смогли прислать лишь немного

казаков для охраны берега: еще вчера из Гельсингфорса прислан был батальон стрелков, который и находился теперь в осаде на Комендантском острове. Узнав об этом, другой батальон стрелков отказался итти на усмирение.

После отказа коменданта огонь был снова открыт и продолжался до позднего вечера.

В ту же ночь (с 18-го на 19-е) двенадцать человек под командой офицера были отправлены на захваченном пароходе «Выстрел» в Гельсингфорс за продуктами. Пароход этот возвратился скоро, и не только с большим запасом провизии, но и с дружиной добровольцев человек около двухсот. Тут были и финны, и русские, и часть выбитых из порта матросов. Команда эта была здесь вооружена и осталась на Михайловском форте.

В этот же вечер должен был возвратиться ожидаемый флот, и генеральная осада крепости откладывалась в ожидании его. Бомбардировка носила скорее характер предупреждения или репетиции, чем правильной осады. Но флот не пришел, крепость не сдавалась, люди утомлялись. В течение полутора суток никто не сходил с позиции — тут и обедали, тут и спали.

Любопытная подробность. В виду того, что пространство между Михайловским фортом и кухней было открыто для неприятельского обстрела, восставшие не могли доставлять котлы с обедом из кухни в форт. Для этого они протянули канаты, и по ним, как подвесные вагонетки, котлы путешествовали из конца в конец. В моменты этих путешествий стрелки с Комендантского острова открывали бешеную и не всегда безрезультатную стрельбу по канатам.

РЕШАЮЩИЙ ДЕНЬ

Утром 19-го решили не ждать более флота, а начать правильную бомбардировку крепости, чтобы выбить оттуда засевшую там пехоту и стрелков. И по квартире коменданта и по казармам открыт был беспощадный огонь из орудий всех калибров.

Скоро из полуразрушенных этой канонадой зданий в беспорядке начали выбегать люди, стрелки и пехотинцы и рассыпаться во все стороны, отыскивая спасение. Комендант едва спасся, перебравшись в казарму минной роты, наиболее укрытую от снарядов.

Так продолжалось до 6 часов вечера, когда близость победы стала несомненной.

В это время на горизонте показался флот.

Утомленные осадой и бессонницей и уже начавшие падать духом повстанцы воспрянули.

По уверению эсеровских агитаторов перед восстанием, флот целиком распропагандирован и не может не примкнуть к восстанию. И все были сейчас уверены, что флот идет к ним на соединение.

Бомбардировка усилилась. Снаряды загудели более победным звуком и как-будто с более страшной и разрушительной силой действовали на осаждаемую крепость. Каждый снаряд попадал в цель, и каждый осколок находил применение. Как-будто сами ядра были одухотворены близостью победы и кроме той силы, от которой получали толчок, развивали еще свою скрытую внутреннюю силу. Срывались начисто крыши, пробивались насквозь каменные стены, старые и новые... Всюду вносились разрушение и опустошение...

— Еще полчаса,— докладывает потом на конференции т. Трилиссер, — и комендант был готов поднять белый флаг.

В это время на Михайловском форте раздался страшный взрыв около порохового погреба, в котором хранилось 4.468 пудов пороха. Отчего произошел этот взрыв — так и осталось тогда невыясненным. Возможно, что причиной послужил случайно залетевший снаряд. Возможно, что это был маневр запертого в крепости гарнизона. Говорили также, что виною было неосторожное обращение со снарядами добровольцев-финнов [1].

Во всяком случае от этого взрыва Михайловский форт сильно пострадал. Много было раненых и около сотни убитых — артиллеристов, матросов и рабочих. Тяжело ранен был и один из главных руководителей — офицер Емельянов.

Этот взрыв внес замешательство в ряды штурмовавших. Но это быстро прошло. И штурм начался с новой силой.

Между тем флот подошел на расстояние 12 верст, развернулся бортами, стал на якорь и открыл пальбу из двенадцатидюймовых башенных орудий по... Михайловскому форту...

Восставшие в недоумении...

Один, другой, третий снаряд — все в одну и ту же сторону. Недоумение сменяется раздражением... Вместо того, чтобы посылать снаряды в крепость и тем, усиливая в ней панику, заставить скорее сдаться, флот, очевидно по ошибке, посылает

[1] После подавления восстания в жандармской телеграмме в департамент полиции значится: «19-го на Лагерном острове удалось соорудить батарею из полевых орудий и взорвать у бунтовщиков главный пороховой погреб»... (л. 44).

громадные снаряды в сторону своих единомышленников, расстраивая свои собственные ряды. И хорошо еще, что снаряды плохо направляются, делая то перелеты, то недолеты, но могло быть хуже — могли попадать в цель. А главное—бесполезно уходит время... И ведь как зловеще гудят эти ядра!..

Офицер Коханский с несколькими артиллеристами и матросами отправляется на броненосцы, чтобы разъяснить недоразумение и указать настоящую цель... И оттуда уже не возвращается.

А ядра с броненосцев начинают попадать в цель.

Теперь уже дело ясно: флот явился не свой, а неприятельский. Вместо ободрения и помощи восставшим он принес ободрение и помощь «оставшимся верными»...

И по Михайловскому форту открылась пальба с четырех сторон: спереди и справа трещали ружья и пулеметы, сзади и от моря бухали орудия. Форт очутился в безвыходном положении. В довершение всего 1 и 5 артиллерийские роты, которые были обезоружены 17-го и на выручку которых шли восставшие, когда встречены были залпами пехоты из сада, — эти 1 и 5 роты, хранившие до сего времени нейтралитет, теперь посылают свои снаряды тоже в Михайловский форт и уже совсем на близком расстоянии... И снаряды их оказываются самыми губительными, как-будто хотят возместить потерянное на нейтралитет время и смыть свои колебания.

После выяснилось, что 1 и 5 роты не стреляли совсем. Они единодушно отказались от этого. Но, будучи обезоруженными и окруженными, как и

минеры, не могли воспрепятствовать стрельбе из своих орудий [1].

Но для восставших, не знавших этого обстоятельства, такая предательская обстановка имела страшное моральное значение.

В какой-нибудь час положение совершенно переменилось. Благодаря во-время смещенной и замененной кадетами команде броненосцев, осажденною оказывалась уже не крепость, а Михайловский форт. Артиллеристы, бывшие до сего времени господами положения и бомбардировавшие крепость, теперь оказались зажатыми в тиски, в положении осажденных, которым закрыты все пути отступления: они стали мишенью перекрестного с четырех сторон обстрела.

Они поражены и сначала теряются. Неприятельские залпы раздаются чаще и увереннее, пулеметы трещат непрерывнее и назойливее. Над головами гудят снаряды и рвутся шрапнели. Кругом падают десятки товарищей...

Энергия отчаянья охватывает восставших. Они решают броситься на штурм — или завладеть крепостью, или пробиться.

Наиболее отважные собрались около главного подъезда старинной стены, служившей укреплением, чтобы оттуда начать приводить свой план в исполнение. В это время неприятельское ядро

---

[1] «Что же касается двух рот крепостной артиллерии, которые не примкнули к мятежникам во время бунта,— сообщает о них начальник Финляндского жандармского управления 28/VII в департамент полиции,—то необходимо сказать, что они долгое время не решались примкнуть и к верным войскам, так что и они составляют такой элемент в крепости, на который положиться по сие время нельзя и необходимо за ними вести наблюдение» (л. 110).

угодило в передок с зарядами и снарядами, находившийся около этого же главного подъезда...

Происходит второй взрыв. И хотя не такой, как первый, но благодаря близости людей почти столь же губительный. Несколько храбрецов убито, много раненых. Эта передряга внесла уныние и замешательство.

В моральном отношении это было последнее и окончательное поражение восставших. Раньше этого они пережили разочарование по поводу флота, оправились от взрыва порохового погреба, перенесли предполагаемую измену двух артиллерийских рот. Лишились одного из командиров, захваченного на броненосце. Другой был ранен. И теперь, когда вся оставшаяся энергия обращена была на последний штурм, случайный взрыв унес и эту энергию вместе с храбрецами-товарищами...

Штурмовать крепость уже не решались. Принялись наскоро укреплять свои позиции, укрывать свои пушки от неприятельских снарядов.

А неприятель все усиливает и усиливает огонь. Его снаряды становятся все губительнее. Все более и более уносят они жертв...

Так в продолжение двух часов.

К вечеру флот прекратил пальбу. Прекратили орудийную стрельбу и артиллеристы. Но береговая стрельба из ружей и пулеметов продолжалась с обеих сторон. Артиллеристы все еще продолжают выбивать пехоту и стрелков из капустных казематов, в которых те укрылись.

К ночи и это кончилось. Всякая стрельба утихла. И, как потом оказалось, утихла совсем, с тем, чтобы не возобновляться и утром.

ТОРЖЕСТВО ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Ночью артиллеристы собрались в казарму нестроевой роты. Положение было ясно — шансов на успех не предвиделось. Они были побеждены и не видели никаких данных, чтобы не сознавать и отрицать это.

Решено было кончить борьбу и сдаться.

В этот момент особенно отчетливо выдвинулась недостаточность одной только местной организации, технически не согласованной с другими и даже в своих отдельных частях. Многое вышло наружу, многому научили эти дни...

В эту же ночь вынуты были замки из пушек и пулеметов и брошены в море. Туда же пошли и оставшиеся боевые припасы. Стадности и отчаяния не наблюдалось в этот тяжелый момент — все было рассчитано, обсуждено, хладнокровно взвешено.

Битва проиграна. Но пусть оружие не будет годным в руках врагов...

Ждали спокойно...

В 9 часов утра 20 июля капитан Власов, арестованный артиллеристами в начале восстания, послан был ими теперь к коменданту крепости с извещением о сдаче. Через час стали показываться из капустников пехотинцы и стрелки — сначала по одному, потом группами. Они что-то кричали, махали руками. Но никто не хотел вслушиваться и вообще обращать внимание. Увидев белый флаг на Михайловском форте и уже окончательно не наблюдая никаких приготовлений к военным действиям со стороны восставших, показались и офи-

церы; они и во внутренней войне остаются верны себе и так же «храбры», как во внешней.

Солдаты-пехотинцы были построены и направлены к Михайловскому форту. И едва добрались до него, как прежде всего, по приказу офицеров, устремились на не снятый еще красный флаг. Его немедленно заменили национальным. И уже после этого громким «ура» приветствовали победу.

Побежденных поместили в какую-то заброшенную казарму, сырую и грязную. Там они, около тысячи человек, набиты были, как сельди, в течение трех дней. Спали сидя, прислонясь спиной друг к другу. Кормили раз в день помоями, ложек не полагалось. Из какого-то брошенного картона, обмазанного клеем, пленники сделали коробочки, которые и употребляли вместо ложек. Для этой же надобности разломаны были надвое случайно оставшиеся после обыска портсигары. За разговоры между собою и малейшие возражения конвою приказано было стрелять.

Дальше начинается процедура следствия и суда.

Суд скорый, очень скорый... Прежде всего спешат обезглавить повстанцев. Военно-полевой суд в первую голову выделяет основную группу руководителей восстания — офицеров Аркадия Емельянова и Евгения Коханского — и их ближайших помощников — фейерверкеров Терентия Детинича, Василия Тихонова, Макара Иванова, Петра Герасимова и Василия Виноградова.

Они считаются уже обреченными, хотя их в первые два-три дня еще и не изолировали совсем от других. И группе матросов, оставшейся в городе с отрядами красной гвардии, удается организо-

вать набег на гауптвахту, где заключены были офицеры и фейерверкеры вместе с другими.

Но на предложение бежать офицеры ответили категорическим отказом.

— С солдатами сражался,—заявил Емельянов,— с ними буду делить и их участь.

Угрюмый от природы Коханский лишь согласно мотнул головой.

С матросами ушли из каземата лишь трое, не подлежавшие полевому суду.

Уже 28 июля эта группа предстала перед судом. Подсудимые вели себя совершенно спокойно. И когда их приговорили к расстрелу, отец одного из офицеров и мать другого просили сыновей ходатайствовать перед царем о замене смерти каторгой. Они категорически отказались.

«Около 7 часов утра (29/VII), — пишут оставшиеся в живых, — их повели на место казни. И они, попрощавшись с нами, завещали нам: кто останется в живых — отомстить за ту кровь, которую проливает правительство, отомстить за весь родной народ. Все спокойно шли на казнь. И в 8 часов утра их уже не стало».

Дальнейшая комедия следствия и суда тянется весь август и половину сентября.

Подсудимых слишком много, и их пропускают пачками по пятнадцати—двадцати человек, объединяя лишь при объявлении приговора.

18 августа объявлен приговор в неокончательной форме артиллеристам.

А. Емельянов.

Е. Коханский.

Приговорены:

К расстрелу	22	чел.[1]
На каторгу	33	„
К другим наказаниям	636	„
Оправдано	13	„
И т о г о . . .	704	чел.

Так называемые «другие наказания» — это многолетнее (5—6 лет) заключение в арестантских ротах, отличающихся от каторги лишь отсутствием кандалов.

Такая свирепость массового приговора произвела впечатление даже на самих офицеров-судей. Они решили ходатайствовать о замене казни каторгой. А, может быть, и умысел другой тут был: демонстрировать перед массовым солдатским сознанием революционную неустойчивость головки приговоренных и «отеческое милосердие» к ним царя.

Так бесхитростно описывает этот момент один из двадцати двух:

> «Когда нам прочли смертный приговор, многие из офицеров, бывших в зале заседания, заплакали, смотря на нас, как мы, ничего не подозревая, прощались со своими товарищами. Нас выделели и повели на главную гауптвахту. Туда же вскоре после этого пришли председатель суда и комендант. И стали говорить нам, что офицеры просят о смягчении приговора. Тут только поняли мы, что нас

[1] Кроме семи уже расстрелянных 29 июля. В числе этих двадцати двух трое рабочих, участвовавших в восстании: Тимошенко, Яковлев и Копылов.

ожидает, и стояли, как окаменелые, не надеясь более на жизнь. Какой-то холодный пот выступил по телу. Голова туманилась. В глазах мелькали офицеры и фейерверкеры, которых уже казнили. Представлялись конвойные солдаты с ружьями, жандармы с обнаженными шашками, что уводили на место казни наших товарищей. Сердце сжималось при виде этих расправцев. Хотелось что-то сказать, но язык как-будто присох во рту, и только как-то неистово смотрели мы им в глаза. И когда они снова повторили нам то, что сказали, некоторые из нас поняли, что они говорят. Мы согласились просить о замене каторгой. Долго ли они у нас были — не помню. Но когда они ушли, у нас снова начались наши полумертвецкие выходки: кто лежал на грязном матраце, кто бессмысленно глядел на улицу сквозь толстую железную решетку, кто сидел за столом, неуклюже выводя дрожащей рукой на открытом письме последнее к родным слово «прощай»... А в одном углу, возле холодной печки, сидела кучка, повидимому, более удалых и мурлыкала какую-то заунывную песню.

В таком ожидании прошли два дня, когда опять пришел к нам комендант и объявил, что «жизнь спасена»...

Двадцати двум заменили расстрел бессрочной и многолетней (15—20 лет) каторгой. И, вероятно, многие из них потом не раз пожалели об этой замене и не раз сами пытались в самоубийстве найти выход из невыносимой каторжной жизни.

Потом суд уже не был так «жалостлив» и расстрелял сразу семнадцать матросов.

Приговор над матросами состоялся 1 сентября:

Расстреляны	17	чел.
На каторгу	52	„
Арестантские роты	19	„
Оправдано	11	„
Итого . . .	99	чел.

Минеры непосредственного участия в восстании не принимали: они были арестованы до восстания, и артиллеристы, не успевшие их освободить вначале, не имели возможности это сделать и потом. Так что роль минеров в процессе восстания оказалась поневоле пассивной.

Тем не менее, они оказались перед военным судом в качестве активных участников. И суд расценил их роль так же свирепо, как роль матросов и артиллеристов: правительство спешило возможно скорее и беспощаднее подавить не только самое восстание, но и возможные к нему тенденции.

В оставшихся от того времени документах департамента полиции нет обвинительного акта по делу о восстании минной роты, но есть телеграмма Финляндского жандармского управления от 10 сентября (л. 247) об окончательной резолюции суда, по которой приговорены:

К расстрелу	4	чел.
На каторгу	24	„
Арестантские роты	80	„
Оправдано	53	„
Итого . . .	161	чел.

Минеры-каторжане говорят, что всего было приговорено из них к расстрелу девять человек, но пять из них были «помилованы» бессрочной каторгой.

Таким образом, из сдавшихся и представших перед судом свеаборжцев:

Расстреляно	28	чел.
Послано на каторгу	127	„
В другие тюрьмы	735	„
Оправдано	77	„
Итого . . .	967	чел.

«Милостью» царский суд похвастать во всяком случае не может: оправданных всего 8%, т. е. только один из каждых двенадцати.

СПОР ЗА ДОБЫЧУ

Так расправилось правительство с военными участниками свеаборгского восстания. Их участь разделили и оказавшиеся с ними русские рабочие, проживавшие в Гельсингфорсе—Николай Яковлев, Николай Волков, Николай Федоров, Карл Генрихсен и Иван Копылов.

Но вместе с ними арестовано было, после подавления восстания в крепости, несколько десятков красногвардейцев-финнов. И если по отношению к минерам, фактически не принимавшим участия (обезоруженным и арестованным еще до восстания) военный суд не нашел возможным применить иные меры воздействия, кроме расстрела и каторги, то как же иначе он мог отнестись к красногвардейцам, взятым с оружием в руках? И если по отношению к «русским» у него еще могли иногда проявляться какие-то жалкие жалостливые моменты, то по отношению к «инородцам»—финнам — эти сдерживающие моменты, конечно, не могли иметь места. Ибо, по логике царской власти, вся русская революция — это результат

«инородческой злонамеренной агитации». И жестокая расправа с финнами. может быть более жестокая, чем с матросами и минерами, была бы при создавшихся условиях лишь естественной и неизбежной.

И усмирители иначе и не предполагали. Красногвардейцы арестованы были в Свеаборге вместе со всеми восставшими и должны были разделить их участь.

В этом смысле 22 июля Столыпин и делает телеграфное распоряжение финляндскому генерал-губернатору Герарду о том, что участники бунта финляндские граждане «должны быть судимы в о е н н ы м судом» (л. 69).

Но еще не успело это распоряжение дойти до телеграфа, как слухи о нем уже взбудоражили общественное мнение финляндской столицы. И уже в тот же день, 22 июля, генерал-губернатор Герард телеграфирует непосредственно самому царю (л. 59).

> «Полученные здесь из Петербурга сведения, что все захваченные в Свеаборге, н е п р и н а д л е ж а щ и е к военному званию, предаются в о е н н о м у суду, вызвали крайнее волнение. Теперь общественное мнение возбуждено п р о т и в красной гвардии и революционеров, административные и судебные места действуют энергично, законное течение дел дает надежду, что семя революции будет с корнем исторгнуто в этом крае. Предвидеть все последствия от принятия столь н е к о н с т и т у ц и о н н о й меры невозможно. В крайнем случае не соблаговолите ли ваше величество хотя финляндских граждан предать г р а ж-

данскому суду. Насколько возможно, я ручаюсь, что судебные приговоры будут строгие. Простите, государь, за смелость моего обращения, но долг верноподданного меня к этому обязывает». (Курсив мой.—*В. С.*).

Оказывается, русское правительство споткнулось о финляндскую конституцию. На основе ее финляндские граждане, не военные, но замешанные в военных выступлениях, подсудны не военному, а гражданскому суду. И финляндская буржуазия, которую мало беспокоила судьба попавших в Свеаборге красногвардейцев, усмотрела тем не менее в привлечении их к военному суду прецедент к дальнейшему нарушению ее «конституционных гарантий». И забеспокоилась. И, конечно, она, а не кто другой, внушила финляндскому генерал-губернатору его доводы царю о невозможности «предусмотреть все последствия от принятия столь неконституционной меры», как передача финнов-красногвардейцев военному суду. Она же внушила Герарду и доводы о том, что «теперь общественное мнение против красной гвардии и революционеров» и ручательство перед царем, что приговоры финляндских гражданских судов будут не менее строгими.

«По негласным сведениям,— ядовито замечает досье департамента полиции,— в «шведоманских» сепаратистских кругах в эти дни (дни восстания.— *В. С.*) тоже происходили какие-то совещания, но когда выяснилось, что флот остался верным долгу присяги, а в Выборгской крепости все спокойно, означенные группы стали явно против революции, а потому у красногвардейцев и не оказалось до-

статочного количества оружия, большая часть коего находится в руках «шведоманов» (л. 87).

Финляндская буржуазия, как это свойственно всякой буржуазии, теперь предательствовала за спиной своего рабочего класса, выдавая его с головой.

И русское правительство оценило готовность финляндской буржуазии. 26 июля Столыпин телеграфирует генерал-губернатору Герарду:

«Государь император соизволил разрешить не предавать военному суду задержанных в Свеаборге финляндских граждан гражданского ведомства, о ж и д а я от финляндского суда и администрации выполнения до конца своего долга перед престолом» (л. 97).

Вы обещаете, мы вам верим и ждем...

И тотчас же передано было из Свеаборга в Гельсингфорс местным властям 56 арестованных в крепости красногвардейцев.

Никто из них, конечно, гражданским судом не был расстрелян. Но долголетнюю финляндскую каторжную тюрьму получил каждый из них. Финляндская буржуазия сдержала свое обещание — приговоры оказались в достаточной мере строгими.

КРОНШТАДТ

Его нельзя отделить от Свеаборга.

О Кронштадте и его флоте говорили артиллеристы и матросы Свеаборга, подготовляя свое восстание. На поддержку его рассчитывали, когда выступали сами. Упоминание о Кронштадте встре-

чалось и в их уничтоженных в тюрьме письмах.

На связь Свеаборга и Кронштадта указывает и доклад т. Трилиссера (см. стр. 27). Восстание в Свеаборге не мыслилось финляндской военной организацией изолированным — и в первую голову от кронштадтского восстания. И в этом смысле, в этой плоскости — обоюдной поддержки и одновременности восстания как в Свеаборге, так и в Кронштадте — располагалась и работа самой военной организации, и работа артиллерийских и флотских кружков.

Поэтому обойти Кронштадт в этой книжке совершенно невозможно.

К сожалению, таких следов живого свидетельства непосредственных участников—солдат, какие сохранились в Свеаборге, о Кронштадте не имеется. Можно использовать лишь материалы официальных донесений усмирителей и судебных дознаний, корректируя их воспоминаниями непосредственных участников, опубликованными в издании Ленинградского Истпарта (см. предисловие).

И тот, и другой источник, несомненно, нуждаются в оговорках.

Официальные чиновничьи документы часто причесывают власть и начальство, придавая им доблестную осанку, несокрушимую твердость, своевременную распорядительность и беззаветную храбрость. И всегда преувеличивают достижения власти и преуменьшают успехи противной стороны.

В действительности дело почти всегда обстояло иначе: власть терялась, организационно запаздывала, в подавлении всегда пряталась за спины темных солдатских масс. И обнаруживала себя и свою свирепость только тогда, когда восставший враг

уже обезоружен и его нужно только добить. Эти чиновничьи документы всегда рисуют восставших, как разрозненную буйную толпу (быдло), совершенно неорганизованную, вовлеченную в буйство первым явившимся злонамеренным агитатором. Какой бы то ни было способности организоваться на основе исторических общенародных задач и сознательно выступить для достижения революционных и политических целей они за восставшими не признают. Не видят и героизма восставших в момент и в ходе выступления.

Все это в порядке вещей: заклятый классовый враг не может иначе поступать по отношению к побежденному противнику. И классовая ненависть царских прислужников никогда не бывала объективной по отношению к восставшим против самодержавия.

Относительно опубликованных Ленинградским Истпартом воспоминаний о Кронштадте.

Их всего пять. Один из воспоминателей — социал-демократ, работавший в Кронштадте, но арестованный задолго до восстания. Два другие — анархисты, т. е. по партийности своей склонные больше к порывам и взлетам фантазии, чем к трезвому учету действительности. Картинность обстановки и героика собственной роли понятна им прежде и больше, чем политическое и стратегическое значение выступлений. Остальные двое — эсеры, в силу той же своей партийности неплохие бевики, но неустойчивые организаторы, путаники, теряющиеся при затруднениях и склонные к быстрым разочарованиям.

Это не их (четверых) индивидуальные черты, а характерные особенности тех партий, к которым они тогда принадлежали. И эти особенности, как

ниже увидим, сказались в их индивидуальных воспоминаниях.

На основе всех этих материалов картина кронштадтского восстания представляется в таком виде.

Подготовка к восстанию велась задолго до его начала. В июне, по инициативе солдат и матросов, выбрано было временное техническое бюро из представителей разных партий. Одновременно выделен был исполнительный комитет для выработки «плана восстания на случай внезапной, стихийной вспышки» (стр. 101).

Этот исполнительный комитет, б е с п а р т и й н ы й по названию, был всецело в распоряжении эсеров. «Заговор, тайных, внезапность нападения» (стр. 142) — это их тактика. «Мы начнем, а за нами не отступят и остальные» (стр. 142).

«Для большей безопасности план вырабатывался в Питере. Просиживали напролет ночи, стараясь не упустить ни одной мелочи» (стр. 103).

Известная договоренность между Свеаборгом и Кронштадтом накануне восстания тоже была. Участник восстания Оттосон-Николаев, делегированный «беспартийным» исполкомом в Гельсингфорс для согласования, вернулся оттуда 17 июля. Он привез с собой установленные условные телеграммы на случай восстания:

«Отец здоров» значит: будьте готовы к выступлению.

«Отец болен» — выступайте, Свеаборг восстал (стр. 103).

Делегат «доложил в Кронштадте о результатах своей поездки в Гельсингфорс. Решили спокойно ждать и готовиться» (стр. 104).

Но уже утром на другой день (18/VII) телеграмма из Гельсингфорса — «Отец болен» — положила конец не только спокойному, а и всякому иному ожиданию.

«Тысячи разных предположений внесли полный сумбур в нашу организацию. По точной сути содержания телеграммы значило, что Свеаборг восстал и революционные суда идут к Кронштадту. Но инстинктом мы понимали, что это не так, что в Свеаборге стихийно вспыхнуло восстание, а как поступить нам — никто не мог решить» (стр. 104).

Однако в ту же ночь попытались созвать гарнизонное собрание. Это удалось сделать, но не вполне: многих представителей частей не удалось известить, и собрание, расходившееся на рассвете, могло вынести лишь одно решение: собраться всем вновь в 8 часов утра.

На этом втором собрании (утром 19/VII) присутствовало около 60 солдат и матросов — представителей всех частей. Приехал депутат гос. думы трудовик Онипко. Кроме того, по донесению жандармского полковника Котляр в департамент полиции, на это собрание «прибыли из Петербурга четыре курсистки и семь частных лиц и настойчиво начали требовать...немедленного вооруженного восстания... и уверяли, что к 12 часам ночи к Кронштадту подойдут четыре больших военных судна из состава эскадры и окажут полное содействие к выполнению плана захвата в свои руки г. Кронштадта» (л. 54).

Каждый из военных представителей сообщил о настроении своей части. И каждый доложил о ее состоянии и степени готовности.

Большинство сообщений были самыми благоприятными: в частях, особенно флотских, воля к

немедленному восстанию представлялась единодушной и непреклонной.

Но такое положение оказывалось не везде.

Внушал беспокойство Енисейский пехотный полк. План был построен в расчете на его инициативу в восстании. И на этой готовности енисейцев покоились и расчеты по снабжению оружием безоружных матросов. А настроение полка в последнее время упало. Неблагополучно оказывалось и с артиллеристами, главной силой крепостных фортов. Сношения с ними организаций были очень затруднительны и установились только недавно. Организация среди артиллеристов не была достаточно налажена.

Но положение создалось почти в такой же мере безвыходное, как и в Свеаборге: выступать без уверенности в победе значит итти на риск поражения, откладывать выступление значит оказаться предателями восставшего Свеаборга.

И здесь, как и в Свеаборге, решающею оказалась эсеровская легенда о четырех военных кораблях, идущих на помощь.

Голосование выявило решение большинства: выступать!

Разошлись по частям в 2 часа дня. Выступление было назначено к полночи 19 июля. В эти оставшиеся несколько часов нужно было подготовить части, осведомить их об общем плане, указать каждому свое место.

И «весь оставшийся день прошел в сутолоке и беготне; дело затруднялось тем, что во что бы то ни стало надо было скрыть от врага наши планы и приготовления» (стр. 108).

В 11 часов вечера 2-я флотская дивизия под командой матроса Егорова[1] дружно вышла из казарм на двор. Разобраны были в караульной винтовки, взломаны ящики с револьверами и патронами. Убит в канцелярии дежурный офицер, пытавшийся поднять тревогу.

Оружие распределили между восставшими. Причем для большинства его недостало. И к этому головному отряду стали пристраиваться также безоружные из 11-го, 16-го и 20-го экипажей.

В момент построения части к ней подошли контр-адмирал Беклемишев и капитан Родионов. В ответ на их начальственный вопрос о случившемся раздались выстрелы. Родионов был убит, Беклемишев серьезно ранен.

2-я матросская дивизия — по плану — должна была, взяв с собой судовых машинистов, на катерах отправиться в форты для захвата их.

В это время подошла к воротам 1-я матросская дивизия, предводимая депутатом Онипко. Она тоже дружно восстала и арестовала своих офицеров. А теперь так же, как и 2-я, почти без оружия, направлялась к казармам Енисейского полка. По-видимому, это тоже было рассчитано принятым планом.

Но сейчас она, вместе с своим командиром, настаивает на присоединении к себе и 2-й дивизии. Последняя, помня о своем задании, не соглашается. Онипко настойчиво требует подчинения. Егоров начинает предполагать, что, повидимому, первоначальный план почему-либо отменен... И дает

---

1 Н. Егоров — с.-р., впоследствии казненный за убийство военного прокурора Павлова.

команду своему отряду пристроиться к 1-й дивизии.

«Было неудобно ослушаться еще и потому,— вспоминает он,— что пререкания двух предводителей дурно бы подействовали на дисциплину» (стр. 109).

Обе дивизии вышли на широкую улицу и остановились, не зная, что делать дальше. Здесь к ним присоединился и отряд рабочих—по жандармскому донесению, «человек около четырехсот» (л. 54).

И здесь выяснилось, что енисейцы, на помощь оружием от которых рассчитывали, не только не восстали, а подготовились к усмирению. А восставшие матросы настойчиво требуют от командиров активности и определенности.

Командиры каждый про себя принимают какие-то решения. Дивизии опять разделяются, чтобы вернуться к плану.

Но его уже не так легко теперь выполнить. Возвращаться за машинистами и к катерам — прошло время. Итти вперед—но куда?.. И без оружия: на дивизию около 50 винтовок и, может быть, столько же револьверов.

Вторая дивизия направляется к арсеналу. Там как-будто бы должны уже ждать рабочие и матросы. Их там не оказывается. Идут к енисейцам,— опять попытаться поднять их... По пути заходят на электрическую станцию. Без сопротивления арестуют караул и оставляют свой. Бодрость и одушевление еще не покидают их.

Подходят к казармам Енисейского полка. Там красный фонарь — боевой знак. Идут в обход с противоположной стороны. Сталкиваются с построенными в боевой порядок енисейцами.

— Товарищи! Присоединяйтесь к нам! Будем вместе биться за свободу!

В ответ затрещали выстрелы.

Дивизия отходит отстреливаясь. Сбоку застрочили пулеметы. Впереди еще енисейцы. Матросы оказываются зажатыми в кольце. Их уже не так много, и они без патронов.

— Куда хочешь веди нас! — требуют они от своего командира, — мы на все готовы!

— Придется уступить, товарищи! — отвечает командир.— Хотя и досадно, но другого выхода нет!

«И мы... бежали» (стр. 112).

Арсенал был захвачен другим отрядом матросов с рабочими. Выломаны пушечные ворота, отобраны у дежурных ключи. Восставшие начинают вооружаться.

И опять Енисейский полк! Батальон его, подошедший к арсеналу, залпами принудил матросов к отступлению.

Они пытаются вскоре опять собраться на Красной улице и захватить телеграф. И новые залпы не дают возможности выполнить это.

Отряд матросов, нападавший в это время на 3-ю саперную казарму, наткнулся на роту Финляндского лейб-гв. полка. И тоже ружейными залпами был отбит.

После целого ряда стычек разрозненных матросских отрядов с войсками все они потерпели поражение в розницу. Это было так же неизбежно, как и само восстание. Матросы и рабочие шли на него, вооруженные почти одним только оружием: горячей преданностью революции, желанием отдать себя ей без остатка и сознанием необходимости поддержать товарищей — свеаборжцев.

И они, разбитые отряд за отрядом на улицах, постепенно редели, разгонялись и возвращались или загонялись в свои казармы. Отсюда у окон. уже без всякой надежды на что-нибудь, они расстреливали по «верным» войскам последние свои патроны.

Войска для усмирения, если верить донесению жандармского полковника Котляра, были вызваны за д в а ч а с а до восстания из лагеря около города.

Это облегчило задачу восстания минной, электротехнической и саперной рот, размещавшихся в том же лагере и по линии военной железной дороги.

Минеры восстали в полном составе и в назначенное время. Убили командира роты Ворочинского и полковника Александрова. Младший офицерский состав был арестован в особом помещении.

Затем вместе с саперами заняли укрепление «Литке», находящееся в тылу Кронштадта. Арестовали там дежурного по караулке, сняли караул и укрепились на батарее.

На «Литке» стоял жел.-дор. поезд. Он был тоже захвачен. И на нем, погасив огни, восставшие направились к форту «Константин», господствовавшему над Кронштадтом.

> «Ехало всего 143 человека, — вспоминает Ю. Зубелевич.—Ехали с полной уверенностью в победу, хотя дело было рискованное. Приходилось итти на захват первоклассного форта без пушек, только с патронами и винтовками» (стр. 112).

А между тем гарнизон форта состоял из двух рот артиллеристов.

Форт взят был без всяких усилий и без всякого сопротивления. Офицеры были обезоружены и арестованы. Артиллеристы не встали на их защиту.

> «С артиллеристами много возни не было,— пишет Ю. Зубелевич, — их собрали и разъяснили смысл событий» (стр. 113).

К сожалению, автор не задерживается на выяснении того, **как** артиллеристы к этому смыслу событий отнеслись. Его интересует другое, к чему он и переходит сейчас же после этой фразы об артиллеристах.

> «Несколько человек копошилось около высокой башни для сигнализации, и скоро наше большое черное знамя в семь аршин длины и пять ширины широкой волной повисло над фортом, точно накрыв всех присутствующих громадным черным полотнищем. Все глаза невольно устремились вверх и смотрели, как оно взвивалось, и боялись, что бессильно повиснет от недостаточно сильного ветра, и жаждали, чтобы оно широко и гордо развернулось и полоскало по воздуху, как крыло гигантской птицы, и ликовали, когда оно напружилось и затрепетало широкой черной полосой» (стр. 113).

Мы совершенно сознательно приводим эту яркую художественную выдержку из воспоминаний. Приводим для доказательства, от каких иногда мелочей зависят неуспех и поражение больших исторических событий, каким иногда мелочным, нестоящим руководством возглавляется революционная энергия масс.

«У подножия оружейной башни в сильнейшем, может быть, из всех фортов, которые только существуют в России, уселась вся маленькая кучка. Они были сейчас властителями форта, что-то вроде его штаба» (стр. 113).

Это анархистский штаб, возглавивший восстание кронштадтских минеров и саперов, захвативших форт, господствующий над всей крепостью. И этот штаб уселся около башни и любуется на свое черное полотнище — знамя анархистов — в семь аршин длины, жаждет, чтобы оно развернулось, боится, что недостаточно силен для этого ветер, и ликует, когда полотнище напружилось...

А в то самое время, когда «штабный» персонал копошился над укреплением семиаршинного черного полотнища, а сам штаб уселся и ликовал, — в это самое время часть артиллеристов, выслушав объяснение событий, тоже «копошилась»: вынимала запалы, замки у орудий...

А «штаб» продолжал считать ворон... ожидая заведующего артиллерийским складом.

«Время летело, а заведывающего все не было. Весь успех дела держался на волоске. Всякая минута промедления могла быть гибелью. Наконец, привели заведующего. Спокойный, уверенный в успехе, отправил Герасимов несколько человек, чтобы помочь заведующему принести снаряды, а сам побежал к пушкам предупредить, чтобы все заготовили.

Но что так долго не несут снаряды? Почему опять ожидание? В нетерпении Герасимов сам бежит к складу. Растерянные, огорошенные стоят там минеры.

— Где снаряды? — кричит Герасимов.

Они разводят руками...

Случилось крайне простое, но вместе с тем ужасное.

Заведующий отпер дверь. «Ну-ка,—говорит,— братцы, подайтесь на минутку!» Братцы подались, он зачем-то вынимает ключ из дверей, входит во внутрь, — только его и видели. Дверь с треском захлопнулась. Средства никакого не было. Кто-то по неопытности предложил взорвать дверь, подложив пироксилиновую шашку, да другие во-врему остановили: от детонации взорвется весь склад, не только что от форта, но и от всех нас ничего не останется, и от Кронштадта останется немного. А ломать безнадежно: дверь, повидимому, в четверть аршина железная.

Дело с фортом было проиграно» (стр. 114).

С форта «Константин» успели выпустить только один снаряд из 7-мм орудия, да и тот не долетел до цели, а взорвался на кладбище без всякого вреда и без всякой пользы для кого бы то ни было.

> «...По распоряжению коменданта крепости,—гласит телеграмма к царю,—по мятежному форту был открыт огонь с других батарей; на форт были посланы войска для усмирения» (л. 65).
>
> «После шести орудийных выстрелов, — уточняет жандармский полковник Котляр, — и огня пулеметов на «Константине» подняли белый флаг и сдались в 6 часов утра.

Перед сдачей форта несколько минеров и штатских лиц выехали с него на катере.

Комендантом крепости тотчас же приказано

было стоявшему вблизи броненосцу «Александр II» послать вооруженные баркасы «на пересечку их курса».

> «Но приказание это, — телеграфирует потом царю вице-адмирал Сиденснер, — не было исполнено командой, заявившей, что не будет стрелять по своим» (л. 65).

На приказ о собственном разоружении команда также ответила отказом. И власти не решились к ним применить силу тотчас же, а отложили это «до завтра». Но пороховые погреба на броненосце. помимо команды, были немедленно затоплены.

К 10 часам утра 20 июля восстание окончательно ликвидировано.

Кроме Енисейского пехотного полка, активное участие в подавлении восстания принимали: кронштадтские пехотные батальоны и 2-й батальон лейб-гвардии Финляндского полка. И к утру 20 июля присланы в Кронштадт из Петергофа: л.-гв. Финляндский полк и батарея л.-гв. артиллерийской бригады.

А в 5 часов дня полевым судом уже расстреляны 7 минеров — первые жертвы начавшегося царского террора.

И ТУТ ЭСЕРОВСКИЙ АВАНТЮРИЗМ

Что особенно бросается в глаза в кронштадтском восстании — это возмутительно слабая организация его, по сравнению с Свеаборгом. Отсутствие всякого плана и единого руководства.

И это ясно стало самим участникам еще до восстания, в тот самый момент, когда они расходились с утреннего заседания 19 июля.

«Уходили с собрания с тяжелым чувством,— пишет вернувшийся тогда с гельсингфорского совещания делегат Оттосон-Николаев (анархист), — все погибло... вот мысль, которая не покинула меня до момента восстания в 11 часов ночи. Весь план сломался, начиная с 1 пункта. У енисейцев встретили нас уже знавшие о времени восстания офицеры с револьверами в руках и пулеметом. В арсенале, куда бросились матросы, не оказалось патронов. Форт «Константин» захвачен — не оказалось замков у орудий...» (стр. 104).

«Правильного руководства не было,—утверждает и другой участник А. Пискарев, начальник эсеровской рабочей дружины.— Никто не заботился выработать план, а условные сигналы или не были переданы тем, кто их должен был давать, или о них забыли... На улицах показывались растерянные группы матросов с винтовками и безоружные. Мы спрашивали их, а они нас: куда итти и что делать?..

Подготовка восстания была так плоха, что даже наша рабочая боевая дружина не знала, что делать и на что употребить имевшиеся у нее бомбы в бумажных оболочках. Бомбы, впрочем, оказались тоже плохи: две из них, брошенные на улицах, не разорвались — детонаторы у пироксилиновых шашек не действовали»... (стр. 116—117).

А между тем, по количеству активно участвовавших в восстании, оно могло быть значительно более грандиозным.

По докладу военного прокурора генерала Павлова, «подлежало суждению за участие в вооруженном мятеже:

более	200	человек	минеров
около	100	„	саперов
„	3000	„	матросов
более	80	„	гражд. лиц» (л. 121).

И по тем возможностям, которые уже фактически выявились в ходе восстания, кронштадтское восстание могло оказаться и более решающим, чем свеаборгское, в смысле общероссийского резонанса[1]. Захват арсенала, захват железнодорожного поезда, захват господствующего над всей крепостью форта «Константин», явная готовность к восстанию броненосца «Александр II»,—все это факты огромного стратегического и политического значения. И если бы они были достаточно подготовлены, вероятно, и судьба уже подготовившегося в этот момент к сдаче Свеаборга могла оказаться иною.

Но получился разнобой. Кронштадтское восстание приняло характер разрозненных партизанских выступлений отдельных воинских команд. Почти полное отсутствие рабочих организаций. Не меньше жертв и казней, чем в Свеаборге, а восставшие смогли продержаться всего 6 часов!

И вина здесь ложится не на солдат и матросов, героически поднявшихся и взявших на свои плечи всю ответственность выступления. Она целиком должна быть возложена на организаторов, не сумевших ориентироваться в политической обстановке, действовавших на-авось и наобум, без

---

[1] Отзвука.

согласованного ясного плана, лишь с надеждой, что «к 12 часам ночи к Кронштадту подойдут четыре больших военных судна, уже поднявших восстание» (л. 54).

«Будь матросы предоставлены самим себе,— пишет участник А. Пискарев, — они проявили бы больше организованности, а о самодеятельности и говорить нечего: ее и так было хоть отбавляй. Но моряков удалось убедить, что ими действительно руководят. Когда же в сознание проникла мысль, что никакого руководства нет, дело было уже проиграно».

Если вспомним, что за три-четыре дня до Кронштадта, та же самая авантюристская ставка на 4 больших корабля усиленно муссировалась и в Свеаборге, то становится совершенно ясным: и здесь, как и в Свеаборге, занимались этим делом те же эсеровские языкотрясы и анархистские «герои» картинной позы, вроде капитана Циона.

Но в Свеаборге была достаточно крепкая и устойчивая большевистская военная организация. Она сумела стихийному выступлению солдат придать организованные формы — если не победить, то умереть с честью.

В Кронштадте верховодили эсеры. И здесь анархо-эсеровский авантюризм разгулялся во-всю.

«Эсеры, стоявшие во главе беспартийной военной организации, — констатирует листок, выпущенный после восстания кронштадтскими социал-демократами (б), — не только не хотели считаться с очень серьезными связями, какие мы имели на судах и в крепостных батальонах, — они не потрудились сговориться

и с рабочими организациями... Они подготовляли взрыв и не сочли нужным ни полусловом уведомить социал-демократов о своих затеях» (стр. 142).

О зверской расправе с восставшими напуганного правительства говорят цифры судившихся и приговоренных кронштадтцев.

Только по трем большим процессам приговорены:

	5 авг.	17 сент.	В ноябре 1906 г.	Всего
К расстрелу	10	19	—	29[1]
На каторгу без срока .	—	12	—	12
„ „ 4—20 л. .	81	120	35	236
В тюрьмы	40	420	559	1019
Оправдано	16	129	117	262
	147	700	711	1558

Член гос. думы трудовик Онипко, принимавший в восстании самое активное участие и захваченный властями во время восстания, приговорен только к лишению прав и к ссылке на поселение.

Этот совершенно исключительный, выходящий из ряда факт до сих пор не получил освещения. А между тем он чрезвычайно показателен.

Можно было предполагать, что Онипко отделался так легко благодаря своему депутатскому званию. И можно также предполагать, что царское правительство, по кадетскому объяснению, не ре-

[1] Кроме 7 минеров и нескольких матросов и штатских, расстрелянных уже 20 июля полевым судом

шилось расправиться как следует с «народным избранником». Это, мол, показывает его уважительное отношение к идее народного представительства, несмотря на разгон гос. думы.

Так об этом и говорили тогда.

В действительности дело обстояло несколько иначе.

В делах департамента полиции (ДП, 7 д-во, № 8, ч. 73, т. XI — 1906) имеется телеграмма восьми тысяч крестьян — земляков Онипко, выбиравших его в гос. думу. Телеграмма адресована царю. И в ней крестьяне, узнавшие, что Онипко грозит смертный приговор, выступают на его защиту. Они указывают, что знают Онипко с детства и ручаются, что он ни в чем преступном принимать участия не мог. Поэтому просят сохранить ему жизнь.

Такая телеграмма для царского правительства, конечно, не могла иметь никакого убедительного значения. Скорее наоборот — могла лишь ускорить конец Онипко.

Но, очевидно, результатом ее явилось предписание военного министра военному прокурору Павлову «о принятии мер к скорейшему движению дела о задержанном в Кронштадте Онипко» (л. 186).

На это предписание, полученное прокурором 6 августа, он отвечает: «В отношении Онипко, повидимому, есть возможность выделить законченное дознание о его преступной деятельности и присоединить к одному из дел о матросах, и при установлении участия Онипки в восстании к вине его будет применена 100 статья угол. улож. (смертная казнь) или 20 статья правил о местностях на военном положении (тоже?)» (л. 186).

Такое ускорение дела крестьян, очевидно, удовлетворить не могло. И на родине Онипко, в северо-западной части Ставрополья, вспыхнуло вооруженное крестьянское восстание.

По рассказам местных людей, это восстание целого ряда больших сел продолжалось более месяца и превратилось в настоящую войну. Первоначально двинутые на усмирение войска крестьянами были разбиты в селах Белаце, Глине и Петровском.

Правительством подтянута была артиллерия и наскоро навербованные отряды из горцев. Только таким путем и удалось справиться с крестьянским восстанием. При чем, как говорили там об этом в 1907 году, крестьянам дано было категорическое заявление, что Онипко казнен не будет.

Документально этот факт крестьянского восстания не проверен. Но он весьма вероятен. И при его документальном установлении вся история крестьянской революции 1905—1907 гг. обогатилась бы новым звеном — подходом деревни к наиболее сознательным по содержанию и высоким по форме революционным выступлениям.

КРЕЙСЕР «ПАМЯТЬ АЗОВА»

Он восстал в районе Ревеля. Восстал в ту же ночь с 19 на 20 июля, как и Кронштадт. И, может быть, этот крейсер тоже один из тех «четырех военных судов», на поддержку которых, со слов эсеровских агитаторов, рассчитывали и в Свеаборге, и в Кронштадте.

Но... «лучшим доказательством неорганизованности, — пишет бывший эсер А. Пискарев, — служит восстание на «Памяти Азова», происшедшее

в ту же ночь, одновременно с кронштадтским. Если бы на крейсере «Память Азова» знали о предполагающемся в Кронштадте выступлении, судну не к чему было итти в Ревель. А участие «Памяти Азова» в кронштадтских событиях могло иметь решающее значение, да и настроение команды не было бы таким подавленным» (стр. 116).

Крейсер «Память Азова»—флагманский корабль учебно-артиллерийского отряда. Незадолго до выступления он стоял в Ревеле. Тогда же начальством была замечена на нем революционная пропаганда, и приняты меры — арестован был минер Осадский, и в команде начались возбужденные разговоры.

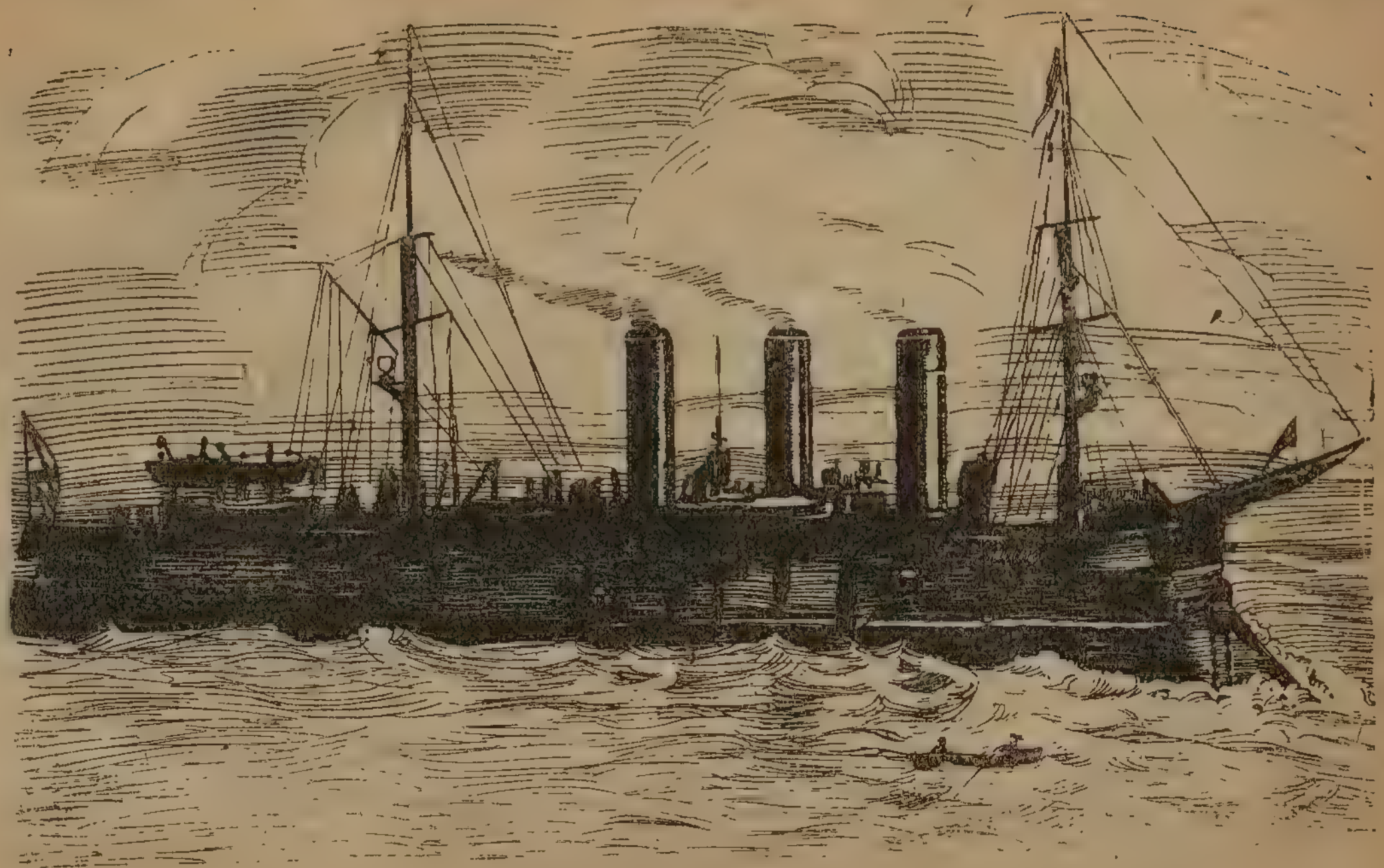
Из предосторожности 15 июля «Память Азова» со всем учебно-артиллерийским отрядом был переведен из Ревеля в бухту Панон-Вик.

Вечером 19 июля в ту же бухту пришел минный крейсер «Абрек». Он доставил на «Память Азова» провизию. Вместе с артельщиками, принимавшими провизию, на «Память Азова» проник и известный матросам агитатор Оська — по паспорту мещанин Петров, по христианскому имени— Арсений Кантюх.

В 11 часов ночи в таранном отделении крейсера началось заседание судового комитета. И, очевидно, расширенное, с активом: присутствовало до 50 человек.

Обсуждалась телеграмма, извещавшая о восстании в Свеаборге. В ее достоверности многие сомневаются. Поэтому обсуждение вопроса, должен ли крейсер примкнуть к восстанию, затягивается на 2—3 часа.

Окончательному решению вопроса помешало начальство. Вахтенному командиру в полночь по-



Крейсер „Память Азова“.

ступил донос: «на судне скрывается посторонний человек». Офицеры сейчас же получили распоряжение немедленно проверить весь судовой состав.

Собрание рассыпается по своим местам. Каптюх приклонил свою голову на чью-то подушку, рядом с другой матросской головой.

Случайный взгляд офицера нащупывает его.

— Кто такой?

— Кочегар № 122.

Такого номера на крейсере нет. Каптюха арестовывают.

Этот арест оказался непредусмотренным сигналом.

Квартирмейстер Лобадин немедленно принял на себя инициативу и руководство выступлением.

Сразу погас на батарейной палубе свет. В темноте обезоружили часового и разводящего. Взяли ящик с патронами. Лобадин быстро роздал патроны и, приказав заряжать винтовки, громко скомандовал:

— Выходи за мной!

И первый оказался на верхней палубе.

Было 3 часа 40 минут...

Одновременно, по приказу командира крейсера, из жилой палубы стаскивали в кают-компанию винтовки. Туда же сносили и оставленные восставшими около часового ящики с патронами. Офицеры с кондукторами вынимали из винтовок затворы и прятали их по офицерским каютам.

На верхней палубе началась стрельба.

Командир крикнул:

— Господа офицеры! С револьверами наверх!

И первые два, исполнившие приказ командира, остались трупами наверху. Других охотников не

оказалось: матросы с верхней палубы обстреливали выходной люк. И через другие люки стреляли в кают-компанию.

Офицеры доблестно отступили в кормовую батарею. Под кормой стоял таранный баркас, и на нем пердусмотрительно уже разводились пары. Захватив своих раненых офицерский состав погрузился в баркас.

— Вперед до полного!

Баркас отошел, покинув на крейсере трех офицеров и судового попа.

— Удирают, шкуры!

Матросы немедленно вооружают катер 37-мм пушкой. И гонятся за бежавшими. Стреляют. На баркасе выбывают из строя еще трое.

Но катер, в спешной погоне и боевом устремлении, недостаточно внимателен к фарватеру. Он налетает на мель и упускает врага. Катеру приходится возвращаться на крейсер.

— Эх,- проворонили!

В пятом часу баталия кончилась. Оставшиеся офицеры заперты по каютам, и к ним приставлен караул.

Освобожден Каптюх.

На баке собралась команда. Произвели выборы комитета для управления кораблем. Командиром крейсера избран квартирмейстер Лобадин. Принимая назначение, Лобадин заявляет, устанавливая необходимую дисциплину: все судовые расписания остаются в силе, и установленный служебный порядок должен соблюдаться.

После завтрака команда получает приказ: сняться с якоря и дать сигнал прочим судам, стоящим в этой же бухте.

На мостике набирают сигналы:

«Воеводе» — сняться с якоря и подойти к борту!»

«Воевода» поднимает якоря и движется к крейсеру. Но с крейсера замечают не совсем ладное: «Воевода» подходит как-будто с открытым минным аппаратом.

С мостика новый сигнал: «Стать на якорь!»

Минный крейсер «Абрек», доставивший вечером Каптюха, и миноносец «Ретивый» получают приказ присоединиться к восставшим.

Оба сигнализируют: «Ясно вижу»... Но остаются стоять на месте.

Лобадин приказывает правому борту открыть по «Абреку» огонь.

Команде непонятен этот приказ стрелять по своим, не выражающим никаких враждебных действий. Она мнется. После второго приказа команда неохотно встает к орудиям. И так же неохотно, мимо цели, выпускаются два снаряда...

Восставший крейсер «Память Азова» выходит в море, с курсом на Ревель.

Комитет собрался на короткое совещание в боевой рубке. Пригласили кондукторов и даже разрешили им одеть свою форму. К ним обратился Лобадин с увещанием поддержать восстание, распределив между ними обязанности.

Каптюх напомнил им о броненосце «Потемкине», о лейтенанте Шмидте. Зачитал революционный манифест (очевидно, эсеровский) о необходимости помочь рабочим и о 9 января...

В рубку вбегает телеграфный квартирмейстер Баженов:

— Товарищи! Команда пала духом—нужно воодушевить!

Заседание прерывается. Команду собирают на бак. Каптюх становится на шпиль и говорит речь: о роспуске гос. думы, о решении с.-д. фракции и трудовой группы передать всю землю крестьянам; о том, что из Ревеля «Память Азова» вместе с «Ригой» должны уйти в Свеаборг... и прочитал выборгское воззвание и воззвание трудовой группы и с.-д. фракции.

Одновременно внизу шла другая агитация: кондукторская среди переменного состава крейсера,—так наз. учеников,—негромкая, неслышная, но разлагающая.

Около 2 часов дня встретился в море миноносец «Летучий». Ему дают с крейсера сигнал: «Присоединиться!» Он начинает быстро уходить. По нем выпускается несколько выстрелов из орудий.

В 5 часов дня крейсер стал на якорь на ревельском рейде.

На проходящий мимо портовый пароход «Картос», был пересажен раненый поп и пожелавшие уйти с крейсера два вольных повара. С одним из них Лобадин отправил в Ревель записку: «Зайдешь в такую-то лавочку и передашь человеку в очках».

Судовой комитет был осведомлен еще раньше о приезде на крейсер члена думы трудовика и одного видного революционера.

Написал записку и Каптюх. В ней он сообщал о плане захватить Ревель и просил положительного ответа. Приглашал на крейсер члена гос. думы, если он уже приехал, и просил позаботиться о провизии, о чем писал и Лобадин.

Записка Каптюха почему-то так и осталась на крейсере.

Настроение команды падало. Кондуктора это учитывали. Они шушукались с учениками, обхаживали их. Осторожно, но настойчиво наталкивали их на мысль об ужасных последствиях неудачного мятежа. Выявлялась и оформлялась попытка восстания против восстания.

Команда начала ужинать. Комитет заседал на баке. В это время ему сообщили о кондукторских разговорах и замыслах.

Лобадин приказал дать дудку: «Кондукторам наверх!»

Выскочил только один из них. С револьвером и с контрреволюционным призывом. Он был тут же убит.

Но внизу уже дали команду: «В ружье!»

Разагитированные ученики захватили винтовки с патронами. Началась стрельба. Кондуктора освободили арестованных офицеров, и те возглавили контрвосстание.

Революционные матросы собрались на баке и отстреливались. Несколько из них бросились за борт. Один пытался навести на учеников пулемет, но был опрокинут ими.

Лобадин оказался смертельно раненым. И, узнав об этом, команда окончательно пала духом. И скоро сдалась.

Мятежный крейсер был побежден.

Обезоруженные и арестованные матросы сейчас же на шлюпках и портовых пароходах свезены были на берег. Туда же свезен был и весь постоянный состав крейсера. Оставлена лишь необходимая часть машинной команды.

Каптюх пытался уйти вплавь. Его выловили из воды.

Около 10 часов вечера к креисеру подошла шлюпка, вызванная Лобадиным. Часовой окликнул. С шлюпки ответили:

— Косарев—к Лобадину и Колодину!

Мичман Кржижановский приказал ответить:

— Лобадин и Колодин принимают!

И из шлюпки доверчиво приветствуют:

— Здорово, товарищи!..

Гальванер Косарев и двое неизвестных сами вошли волку в пасть.

За восстание на крейсере судились 95 человек. Из них четверо штатских.

Приговорены:

К повешению	18	в т. ч. Каптюх.
Каторге	12	
В дисциплинарный батальон	13	
К друг. наказаниям . . .	15	
Оправдано	34	

Трое штатских переданы гражданскому суду. И, говорят, одному из них, видному эсеру, жена купила у жандармов свободу за 100 тысяч рублей.

В виду монаршей «милости» осужденным повешение заменено расстрелом.

При чем эту казнь восемнадцати озверевшее правительство умудрилось превратить в моральную казнь для всех осужденных.

Один из выродков царской семьи в качестве главнокомандующего флотом самолично придумал зверскую инструкцию выполнения казни:

«Место казни должно быть оцеплено конвоем с трех сторон силою, примерно, батальон...

Для расстреляния назначить матросов того же крейсера «Памяти Азова» из числа приговоренных к другим наказаниям.

Если матросы, назначенные для приведения в исполнение приговора, отказались бы, то пехотная часть должна заставить выполнить возложенную на них задачу силою оружия.

Место погребения надлежит тщательно сравнять»... (стр. 154—155).

Кроме свирепой мстительности августейшего выродка, в инструкции имеется и целый ряд пунктов, ограждающих эту расправу от какого бы то ни было случайного взгляда посторонних людей: животный страх перед революцией не оставляет династию даже тогда, когда революционеры уже перестают жить...

СВЕАБОРГ И ДУМА

В досье департамента полиции о свеаборгском восстании (см. приложение) подчеркивается: «Главными членами означенного (революционного) комитета, по неполным сведениям, еще не проверенным, состояли: бывшие члены государственной думы Михайличенко, Аникин, Аладьин, Седельников, а также неустановленные еще Мельников, Берлин, фон-Фрикар, латыш студент Бёрзин и портной эстонец Янсон».

За неимением данных мы не будем входить в оценку правильности утверждения досье относительно роли «неустановленных еще» Мельникова, Берлина и других. Возможно, что в этом пункте департамент полиции и напал на действительный след. Что касается зачисления им в главные чле-

ны революционного комитета бывших членов распущенной государственной думы, то это явно неправильная квалификация их роли. Здесь департамент полиции, во-первых, идет по следам правительства, разогнавшего думу, и навязывает ей бунтовщическую роль, которая в действительности ей совершенно не была свойственна, даже в лице отдельных ее «крайне»-левых представителей. Во-вторых, департамент полиции отдает здесь дань распространенному в свое время обывательскому предрассудку о том, что разгон думы непременно должен повлечь за собой народное возмущение.

И когда бывшие депутаты, в особенности самых левых фракций (с.-д. и трудовики), появляются в Свеаборге перед восстанием,—естественно заключение, что они-то собственно и есть его главные виновники и руководители. В особенности, если они совещаются с революционными организациями и выступают на митингах.

Но как-раз именно при этих-то условиях, по чисто конспиративным соображениям, их роль в подготовке восстания и руководстве им неизбежно становится проблематичной.

И действительно, они, бывшие члены государственной думы, ни в каких революционных повстанческих комитетах не состояли [1]. Но они выступали на митингах, как до этого и в самой думе, «громили» правительство. Но в тех же общих формулировках, как это усвоено было ими в парламенте, далеких от сегодняшних конкретных задач, от практического их выполнения.

---

[1] Исключение составляет лишь депутат Ф Онипко — активный участник кронштадтского восстания.

Но эти выступления, когда они были удачными, конечно, не могли не поднимать настроения слушателей, как это бывает на всех митингах. Тов. Трилиссер припоминает, что после одного из выступлений бывшего депутата Михайличенко (с.-д.) солдатские и матросские кружки сразу пополнились десятками новых членов.

Но это, разумеется, далеко не организация восстания думскими депутатами в защиту думы.

Необходимо отметить при этом, что меньшевистский ЦК РСДРП, под давлением большевиков и учитывая повстанческие настроения в войсковых частях, принял, хотя и с значительным запозданием, лозунг вооруженного восстания. Но он тут же его по-обывательски и смазал, мотивируя восстание необходимостью защиты государственной думы. Защищать думу, которая сама не хотела и боялась массовой революционной защиты ее! Дума, которая настолько себя дискредитировала в представлении революционных войск, что вооруженное восстание для ее спасения звучало насмешкой над самим восстанием и было бы принижением всей революции—такая дума не стоила таких жертв!

И немудрено, что некоторые делегаты меньшевистского ЦК, посланные к восставшим частям с этим обывательским лозунгом—«За думу», арестовывались боевыми солдатскими комитетами, руководимыми большевиками, и под конвоем отправлялись обратно.

Мы уже видели, что и свеаборгский гарнизон восставал не «за думу», а за «Учредительное собрание», «за землю и волю» — наиболее актуаль-

ные, стоящие в то время перед революцией задачи.

Как бы то ни было, но Свеаборг—это страница, и одна из самых ярких, в истории русской революции 1905 года. Два с половиной месяца предшествовавших Свеаборгу думских словопрений бледнеют перед свеаборгскими двумя с половиной днями. С точки зрения революционно-объективной 73 думских дня, или, точнее, «дума»—ноль, отрицательная величина в развитии русской революции, палка в ее колесе. И палка очень скверная, волокнистая и дряблая, которую никак нельзя сломать и выбросить: она только гнется и треплется и все-таки тащится по земле и мешает ходу. Поскольку буржуазия, а следовательно и буржуазные представительные учреждения не способны на действенную борьбу, постольку они бесполезны и даже вредны для революции, конечно, если смотреть не с точки зрения объективной мудрости филистеров. И постольку же имеют несомненное положительное значение в развитии революции такие выступления, как Кронштадт и Свеаборг.

Связь Свеаборга с думой, или, вернее, с ее разгоном, чисто случайная: простое совпадение во времени. Никакой моральной связи, связи по существу, которую предполагали, здесь не было. Восстание не явилось ответом на бесславный конец думы, не было протестом против ее разгона. Это совершенно самостоятельный революционный акт, входящий в круговорот других революционных же актов, совершенно отличных от тех, с которыми соприкасается и связана дума.

Сущность свеаборгского восстания, его корни лежат глубоко в октябрьско-декабрьских заба-

стовках, в «Потемкине», Севастополе, в московском вооруженном восстании и во всех многочисленных аграрных волнениях. С этими революционными выступлениями широких масс Свеаборг связан самой родственной, «кровной» связью. Он имеет одну с ними душу, одну природу, служит их логическим продолжением и вместе с тем поворотным пунктом к новым выступлениям, более совершенным, более организованным. но того же самого революционно-классового порядка.

Совсем иное дума. Духовно родственная либеральным банкетам, съездам, петициям, она тоже является логическим продолжением этих красноречивых учреждений и тоже имеет значение поворотного пункта... буржуазии к контрреволюции.

В то время как Свеаборг ясно выраженным стремлением организовать восстание, чтобы слить его с всенародным, поднялся от общедемократической позиции до чисто пролетарской, первая дума своим турнэ в Финляндию окончательно сдвинулась с общедемократической позиции и твердо стала на буржуазную.

И Свеаборг и дума—это этапы одной и той же революции, но лежащие в разных классовых плоскостях, этапы двух разнородных дорог: революционно-демократической и эволюционно-буржуазной. Их нельзя соединить или слить, как бы ни старались это сделать разные политические гермафродиты: между ними такое же глубокое непримиримое противоречие, как между активностью и пассивностью, между делом и пустосло-

вием, положительными достоинствами и шарлатанством.

По одной идут люди к своему светлому будущему через голод, тюрьмы, расстрелы, воздвигая на своем пути кровавые памятники—Январи, Декабри, Севастополи, Ревели... Это сам народ в своей революционной массе—пролетариат, крестьянство, армия—в своем героическом стремлении к лучшему, оставляет за собой реки крови и горы трупов. И на этих трупах люди с другой дороги, люди иной (буржуазной) тактики раскидывают свои маркитантские палатки и спешат реализовать положение исключительно в своих интересах.

СЛАВА ПОГИБШИМ БОРЦАМ!

Пролетариат черпает свой политический опыт и знания не только из побед своих, но и там, где он потерпел поражение. Ошибки всегда учат, и неудачи приносят мудрость.

Погибшие борцы революции продолжают жить в памяти борющихся живых, как пример героизма, источник революционной энергии идущим на смену.

В Свеаборге расстреляны после суда:

Артиллеристы:

1. Емельянов Аркадий 2. Коханский Евгений	офицеры.
3. Тихонов Василий 4. Детинич Терентий 5. Иванов Макар 6. Виноградов Василий 7. Герасимов Петр	фейерверкеры.

Матросы:

1. Иван Яковлев . . .	фельдш.	Псковской губ.
2. Федор Соловьёв . .	„	Лифляндск. „
3. Федор Парфенов . .	сигнальщ.	Смоленской „
4. Сергей Елизаров . .	„	Нижегород. „
5. Макар Татарченко .	„	Харьковск. „
6. Василий Назаров . .	„	Нижегород. „
7. Михаил Цихоцкий .	кочегар	Херсонской „
8. Филипп Ерохин . .	„	Калужской „
9. Степан Санцевич .	комендор	Гродненск. „
10. Максим Большаков	баталер	Московской „
11. Федор Николайчук .	„	Каменец - Подольской губ.
12. Максим Кузин . . .	„	Калужской губ.
13. Афанасий Неня (Носаль)	„	Екатеринославской губ.
14. Ефим Кульбаков . .	матрос	Калужской губ.
15. Яков Ягненков . . .	„	Владимирск. „
16. Вячеслав Муравьев .	„	Рязанской „
17. Николай Роговицкий	„	Могилевской „

Минеры:

1. Михаил Шишков.
2. Иван Соловьев.
3. Василий Шаханович.
4. Игнатий Черноусов.

Вечная память павшим борцам!..

А непосредственно принявшие их завещание пошли в долголетнюю каторгу...

«...Гремя тяжелыми кандалами,—пишет один из них,— оставляя жизнь позади себя, оставляя свои

Восставшие матросы и солдаты на Дворцовой площади.

родные семьи, отцов, матерей на расправу пули, штыка и нагайки...»

Их 127 человек, полных жизни и сил, сохранивших революционное чувство и боевую энергию. Все вместе они получили 1600 каторжных лет. Шестнадцать веков!..

У семидесяти процентов свеаборгских каторжан жизнь оборвалась более, чем на 10 лет.

И мы сохраним память о них, сохраним их имена. И сохраним те скудные данные, которые смогли от них получить в тюремных условиях. Эти данные имеют свой интерес и значение.

ЖИВЫМ — ДОБРАЯ ПАМЯТЬ

Родиной этих 127 каторжан являются 37 губерний Европейской России. Служба собрала их со всех концов «отечества» в одно место, а революция объединила их сознание около одной общей цели, поставила к одному общему делу.

Все они рассеяны были по губерниям по одному-два-три человека, и только некоторые губернии являются как бы поставщиками солдат того или иного оружия. Так, Псковская губерния поставляет артиллеристов (15 из 51), Петербургская и Новогородская—минеров (16 из 24). Вообще, из рассказов солдат, свеаборгская артиллерия почти на треть состоял из псковичей, а минная рота — наполовину из рабочих петербургских мастерских и заводов.

Матросы собраны отовсюду почти в одинаковом количестве.

Артиллеристы . .	51 из 17 губ.	Вообще
Матросы	52 из 26 „	127 из
Минеры	24 из 9 „	37 губ.

Из списка, приложенного в конце, можно усмотреть некоторую тенденцию: артиллеристы преимущественно из северных и хлебных губерний, матросы из губерний, расположенных по большим рекам, или приморских (Тверская, Нижегородская, Астраханская, Херсонская и пр.), минеры из губерний промышленных.

Совершенно очевидно, что подбор той или иной воинской части совершается, разумеется, в зависимости от ее назначения. И в этом отношении состав русской царской армии обнаружил бы чрезвычайно любопытные данные, если бы возможно было с ними ознакомиться обстоятельно. Гвардия, главная функция которой парады и дворцовые караулы, включает в себя достаточное количество рослых, откормленных, гладких (и в такой же мере тупых), недоучившихся детей российского купечества и деревенской буржуазии. Пограничные кордоны, где донос в царское время играл не последнюю роль, составляются из постоянно враждующих между собою элементов—казанских татар или уфимских черемисов, тульских или тамбовских землепашцев и полтавских крестьян-украинцев. Кузнец и литейщик определяются в артиллерию, каменщик и землекоп—в саперы. Решетниковские Пила и Сысойка были бы карикатурными в качестве гусар, но они же незаменимы, как безответные денщики невежественных армейских офицеров, или как тупые исполнители в «славных» боях с внутренним врагом и в походах на беззащитное еврейское население. Вообще, каждая часть царской армии имела свою характерную особенность, в зависимости от которой и группировалось призванное на службу население.

По этому остроумному методу, открывающему возможность использовать национальную рознь и поголовную тупость, была построена вся царская армия. Этот метод путем многолетнего подбора при существующей централизации управления доведен царским правительством до совершенства.

И не случайно, конечно, при подавлении всех выдающихся вооруженных восстаний 1905—06 гг. правительство всегда опиралось на привилегированную гвардию и темную замуштрованную пехоту. В Свеаборге на его защиту встали стрелки лейб-гвардии Финляндского полка и крепостные пехотинцы. В Кронштадте — тот же лейб-гв. Финляндский полк и Енисейский пехотный. Декабрьское восстание в Москве подавлял лейб-гв. Семеновский полк.

Типичные черты подбора сказывались, конечно, и на свеаборжцах:

	Артиллеристов	Матросов	Минеров
Дворян и почетных граждан	1	—	2
Мещан	4	6	9
Крестьян	46	46	13
Итого . . .	51	52	24

Привилегированные сословия здесь случайны: «всеобщая» воинская повинность дает им возможность и в армии занять привилегированное положение в качестве офицерства и тем избавляет от необходимости служить рядовыми.

Так что широкая солдатская масса сплошь состояла из тех низов, которые и до службы обслуживали привилегированных и на службу шли для этих же самых надобностей. Преобладали, конечно, крестьяне, как это и должно быть в государстве, на девять десятых состоящем из крестьян. Но преобладание их в той или иной части не одинаково.

	Процент крестьян		
	Вообще	Живших до службы в деревне	Занимавшихся хлебопашеством
Артиллеристы	90	71	59
Матросы	87	48	37
Минеры	54	13	—
Средн.. . .	83	50	40

Артиллерии необходима физическая сила, и только хлебопашество может дать ее в массовом количестве. Поэтому артиллерия больше, чем наполовину (59%), берется от земли—от плуга к лафету. Но артиллерии необходима в то же время известная степень технических навыков, которые от плуга и вообще в деревне произрастают скудно. Если бы не это обстоятельство, то тяжелая артиллерийская служба замещалась бы исключительно физически сильным элементом деревни.

Матросу требуется сочетание выносливости, ловкости и сметки—качества, тоже мало свойственные деревенской обстановке, кроме разве выносливости, да и то слишком специального характера, убивающего умственную самодеятельность. И процент матросов, взятых от сохи, еще меньше, чем артиллеристов. Минеров же от сохи

нет совсем. Даже те из них, которые жили до службы в деревне, все-таки занимались чем-то иным, но не земледелием.

До службы жили	Артилле-ристы	Ма-тросы	Ми-неры
В городе	15	27	12
В деревне	36	25	3
На станц. железных дорог .	—	—	9
Итого . .	51	52	24

Меньше половины матросов и лишь восьмая часть минеров жили до службы в деревне.

РЕВОЛЮЦИОННОСТЬ ЦАРСКОЙ АРМИИ — В ЕЕ ПРОЛЕТАРСКОМ СОСТАВЕ

Вообще, чем большего развития в смысле интеллекта, чем больше изворотливости и знаний требует воинская часть, тем более заполняется она пролетарским элементом, тем меньший доступ в нее элементам деревни.

Для крестьян, обыкновенных, изголодавшихся землеробов, в царской армии была своя специальная часть, где они на всем просторе одни—это пехота, или то, что принято было в русском буржуазном обществе иронически называть «серой святой скотинкой». Здесь тоже были свои специальные требования: та забитость и безответность, которые приносило с собою крестьянство из разных медвежьих углов, вполне гармонировало с тем произволом, доходящим до наглости, и поголовным невежеством, которым отличалось провинциальное армейское офицерство. Для такой службы пролетариат непригоден. И его там

было слишком мало, если не считать мелких ремесленников: этим, т. е. отсутствием пролетариата, и объясняется «серость и святость» царской пехотной армии.

Поставщиком сознательных солдат, обладавших в известной степени развитием и интеллигентностью, являлся город, преимущественно перед деревней, и столичный или промышленный город, преимущественно перед обыкновенным провинциальным.

Процент солдат, живших до службы:

	В столичн. и промышл. центрах	В губерн. и уездных городах	В деревне	Итого
Артиллеристы . .	24	5	71	100
Матросы	35	17	48	100
Минеры	79	8	13	100

Среди минеров 47% жителей Петербурга и рабочих его заводов, не считая железнодорожных станций, расположенных около него же.

Не считая хлебопашества:

Артиллеристы собраны	из	14	профессий
Матросы „	„	24	„
Минеры „	„	11	„
Все вообще . .	из	30	профессий

Самые интеллигентные из этих профессий — 1 фельдшер, 1 писарь, 1 пом. бухгалтера. Все другие относятся исключительно к разряду физического труда.

Столяры, кузнецы, плотники, кочегары, сапожники, шахтеры, каменщики, модельщики, наборщики, чернорабочие, дворники и пр. и пр.—все имеют здесь своих представителей. И среди профессий также имеются свои характерные, наиболее пригодные для особенностей того или иного оружия, как это наблюдалось по отношению к месту жительства.

	Артилле-ристы	Ма-тросы	Ми-неры
1. Хлебопашцы	30	19	—
2. Столяры, плотники, кузнецы, кочегары, котельщики . . .	11	7	5
3. Машинисты, техники, механики, слесаря	3	4	12
4. Матросы и рыболовы . . .	1	6	—
5. Прочих профессий	6	14	7
Итого.	51	50	24

В артиллерии, кроме хлебопашцев, находят преимущественное применение столяры, кузнецы, котельщики, т. е. тяжелый технический труд, в то время как механики, техники, слесаря служат минерами, а кочегары, рыболовы и вольные матросы—во флоте.

Таково социальное положение и классовый состав, если не всех, то во всяком случае заметной части наиболее активно проявивших себя в свеаборгском восстании революционных элементов армии и флота. Можно, пожалуй, утверждать, что таков же приблизительно состав и других восставших частей армии — «Потемкина», Кронштадта, Севастополя. И можно с уверенностью говорить, что и там, как и здесь, большинство вос-

ставших—это продукт городов и дети пролетариата[1].

Но это только внешняя характеристика свеаборжцев. Что же касается их внутреннего, интеллектуального содержания, то оно выясняется отчасти из следующих данных:

Учились	Артиллеристы	Матросы	Минеры
В духовной семинарии	1	—	—
В фельдшерской школе . . .	—	1	—
В техническом и железнодорожном училищах	—	—	4
В городском училище	2	3	2
В земской и приходской школах	24	35	14
На службе	2	—	—
Нигде	8	13	4
Малограмотные	14	—	—
Итого . . .	51	52	24

Маленькая оговорка — неграмотных здесь нет совсем. Нигде не учившиеся и малограмотные — нужно полагать самоучки. Их 31%, т. е. почти треть. Это показывает, насколько сильно вообще было стремление обездоленных классов к знанию и насколько мало давали им в этом отношении командующие классы.

Ценз вообще не блестящий. С термина «образование» приходится спуститься на термин «грамотность». Но это господствующий ценз для тех классов населения, из которых вышли солдаты.

---

1 Поступившие после сведения о либавских матросах вполне подтверждают это.

Это их, так сказать, «классовый» ценз, классовая особенность, и с этим ничего пока не поделаешь.

В процентах	Артилле-ристы	Ма-тросы	Ми-неры
1. Более грамотные (учившиеся в учебных заведениях) . . .	53	75	83
2. Менее грамотные (нигде, на службе и малограмотные) .	47	25	17
Итого . . .	100	100	100

Наименее грамотными оказываются артиллеристы и наиболее грамотными минеры. Это находится в непосредственной связи с той обстановкой, которая окружала их до поступления на службу. Стоит только вернуться к вопросу о том, где они до службы жили и чем занимались, и дело становится ясным: город или деревня и хлебопашество или иная профессия в значительной мере определяют степень развития и наличности самосознания, а следовательно и грамотности.

Но, отдавая должное этой буржуазной классификации интеллектуального развития, необходимо оговориться. Если термины «грамотность» и «грамотный» пока еще и являются показателями р а з в и т и я, то исключительно в приложении к «сермяжной» массе, и то лишь п о к а. Что касается пролетариата, то понятие «г р а м о т н о с т ь» в применении к нему ровно ничего не выражает в смысле характеристики его умственной и нравственной личности. И пролетариат не раз уже доказал, что его интеллектуальное и политическое развитие так же мало зависит от тех учебных заведений, в которых он учится, как мало зависит его собственное происхождение от него самого.

Он доказал, что его интеллигентность и сознательность, по отношению к жизни вообще и в частности к другим людям и обществу, стоят неизмеримо выше, чем те же качества у образованных классов.

Так что, приводя данные о грамотности свеаборжцев, мы совсем не думаем измерять этими данными их политическую и классовую сознательность, а просто хотим показать, из каких собственно общественно подготовленных предпосылок явилось провозглашенное свеаборжцами восстание. Точно так же и приведенный перечень школ имеет значение не как показатель «образованности», а как показатель того максимума знаний, до которого может допустить пролетариев существующий политический и социальный строй, показатель того высшего образования пролетариата, которое он получает от содержимого им буржуазного государства и общества.

И на примере свеаборжцев мы видим (как видим это и во всей русской революции), что пролетарский образовательный ценз ничуть не мешает его носителям быть прекрасными товарищами, сознательными гражданами и самоотверженными борцами за общее благо.

Более «высокообразованные» политические «борцы» могут с справедливой гордостью констатировать, что такой образовательный ценз среди них отсутствует. Но они должны будут вместе с тем констатировать и одновременное отсутствие в своей среде таких действительно самоотверженных борцов. Не ставя, конечно, этого отсутствия в прямую зависимость от образованности, мы в то же время хотели бы подчеркнуть, что

буржуазная наука, буржуазная образованность нимало не способствуют пониманию и отстаиванию общечеловеческих идеалов и целей. И, наоборот, отсутствие такой образованности ничуть не препятствует и восприятию наиболее гуманитарных идей и наиболее высокому сознанию своего долга перед товарищами, партией и народом. Сознанием этого долга—действительным, а не лживым — характеризуются действительные борцы, которые не говорят жалких слов о «готовности»[1], а просто отдают себя всего, когда это понадобится. К этому готовит пролетарская обстановка,и это подсказывает пролетарское классовое чутье.

КАТОРЖНЫЕ ВЕКА

Но это не единственные факторы, которые способствовали революционно-идейной формулировке свеаборгского восстания.

	Артилле-ристы	Ма-тросы	Ми-неры
1. Состояли в партийной организации (с.-д.)	2	1	2
2. Участвовали в солдатских кружках под руководством партийных работников . .	28	51	19

Среди артиллеристов, где революционная пропаганда, по заявлению солдат, велась давно и на-

[1] См. первое заседание первой думы — хвастливые речи Родичева и Набокова.

чалась задолго раньше, чем в других частях свеаборгского гарнизона, все-таки процент организованных (30 из 51) гораздо меньший, чем среди матросов и минеров. У последних не велось никакой работы до 1904 г. И только призыв этого именно года, по их выражению, «все перевернул»: в этот год пролетариат принес сюда отголоски южно-русских событий 1902—1903 гг. Начались агитация, пропаганда, кружки. И минеры, состоящие из чистых пролетариев, быстро обогнали артиллеристов, разбавленных элементом деревни.

Вполне естественно ожидать меньшего сочувствия движению как со стороны молодых солдат-рекрутов, так и со стороны старых, оканчивающих службу. Молодые еще не осмотрелись в новой для них обстановке, не постигли еще словесности и пока смотрят на долг и присягу с точки зрения этой словесности—выпученными, осовелыми глазами. Но они все-таки более доступны революционным настроениям, чем старые солдаты. Для тех так или иначе служба кончается. Им не так важны те чисто солдатские требования, которые выставляются и выполнения которых добиваются: не им придется пользоваться улучшениями, да они уже и «обтерпелись, приобыкли». Что же касается общенародных требований, то менее интенсивное участие в борьбе за них старых солдат не указывает, конечно, на то, что им такие требования непонятны и недоступны. Это показывает только, что старые солдаты уклоняются от борьбы в той обстановке, от которой уже отвыкает их сознание, рвущееся вон из казарм.

Свеаборжцы-каторжане по году призыва разделяются так:

	Артилле-ристы	Матросы	Минеры	% всех
1901 г.	—	5	1	5
1902 „	16	11	2	23
1903 „	16	7	7	24
1904 „	16	21	9	36
1905 „	3	8	5	12
Итого . .	51	52	24	100

Основная масса активных участников восстания—призывов 1902—1904 гг. Молодняк последнего призыва (1905 г.) составляет только десятую часть. И еще меньшая часть (двадцатая) старых солдат.

Выше мы уже говорили, что царский суд наградил свеаборжцев шестнадцатью веками каторжных работ. Каторга—не «земля и воля», и на нее царское правительство не скупится, как и на смертные приговоры.

Получили каторгу:

	Артилле-ристы	Матросы	Минеры
Бессрочную	—	7	6
20 лет	3	7	5
15 „	13	4	3
12 „	35	—	—
10 „	—	—	6
Менее 10 лет	—	34	4
Итого . .	51	52	24

Артиллеристы получили 675 лет, по 13 лет в среднем на каждого. Матросы — 550 лет, по 11 на каждого. И минеры—380, по 16 лет на каждого.

Что впереди у них?..

Тюрьма, этапы, звон кандалов, беспросветная жизнь в казематах...

«Не страшна нам более случайно миновавшая нас смерть,—пишут они,—не страшна и предстоящая каторга. Жалеем только об одном, что мало поработали на пользу народа, не удалось довести до конца народное дело».

И в своем последнем слове, оставленном нам, товарищам по тюрьме, они просят:

«...не складывать рук, не падать духом, а продолжать общее великое дело—избавить родину от насильников!»

Октябрь 1917 г. выполнил эту задачу. И многие из свеаборжцев теперь снова среди нас в борьбе за великую пролетарскую революцию, за построение бесклассового коммунистического общества!

СПИСОК СВЕАБОРЖЦЕВ, ПРИГОВОРЕННЫХ К КАТОРГЕ

А. Артиллеристы

Имя и фамилия	Какой губернии	Чем занимался до службы	Ск. лет каторги
1. Степан Алексеев .	Псковск.	хлебопаш.	20
2. Лавр Ледянкин . .	„	„	20
3. Иван Пухов . . .	„	„	15
4. Семен Афанасьев .	„	„	15
5. Ал-ндр Тимофеев .	„	„	15
6. Алексей Герасимов	„	„	12
7. Григорий Пухов .	„	„	12
8. Емельян Петров .	„	„	12
9. Ульян Семенов . .	„	„	12
10. Иван Анисимов . .	„	„	12
11. Никифор Максимов	„	котельщик	15
12. Петр Березовский.	„	плотник	12
13. Семен Бирюков . .	„	механик	12
14. Николай Терентьев	„	сапожник	12
15. Павел Масенков .	„	слесарь	12
16. Алексей Маслов .	Самарск.	столяр	20
17. Семен Литвинов .	„	хлебопаш.	15
18. Семен Боярков . .	„	„	12
19. Никифор Катков .	„	„	12
20. Егор Еськов . . .	„	„	12
21. Никифор Зубков .	„	„	12
22. Фасхадин Муфтакудинов	Симбирск.	кочегар	12
23. Гавриил Кошедранов	Харьковск.	хлебопаш.	15
24. Даниил Доля . .	„	„	15
25. Степан Сало . . .	„	„	15
26. Григорий Зубарев	„	кузнец	12

Имя и фамилия	Какой губернии	Чем занимался до службы	Ск. лет каторги
27. Степан Романенко	Харьковск.	кузнец	15
28. Иван Любомиров	Новгород.	хлебопаш.	15
29. Василий Петров	„	„	12
30. Иван Богданов	„	столяр	12
31. Федор Степанов	Смоленск.	хлебопаш.	15
32. Михаил Фомин	„	„	15
33. Василий Степанов	Петербур.	„	15
34. Федор Андреев	„	„	12
35. Ал-ндр Прохоров	„	слесарь	12
36. Никодим Ширяев	Курской	модельщик	12
37. Гавриил Кудинов	Владимир.	хлебопаш.	12
38. Федор Филиппов	Рязанской	кочегар	12
39. Иван Масютин	„	водопров.	12
40. Спиридон Черкасов	Уфимской	хлебопаш.	12
41. Хабиба Тимофеев	„	„	12
42. Сирозадтин-Фотк-улин	„	„	12
43. Федор Евдокимов	„	„	12
44. Виктор Муравкин	„	каменщик	12
45. Карл Фукс	Курляндс.	столяр	12
46. Григорий Остроухов	Тульской	торговец	12
47. Сергей Грин	Минской	кочегар	12
48. Федор Целуйко	„	хлебопаш.	12
49. Алексей Тятинин	Нижегор.	котельщик	12
50. Иван Мошкин	Калужской	паркетчик	12
51. Павел Батраков	Пермской	столяр	12

Б. Матросы

1. Павел Карпов	Ярославск.	строит. р. б. ср.	
2. Сергей Козин	„	матрос	20

	Имя и фамилия	Какой губернии	Чем занимался до службы	Ск.лет катор-ги
3.	Алексей Львов . .	Ярославс.	наборщик	4
4.	Савва Цимбалюк .	„	кочегар	4
5.	Иван Мицюк . . .	Волынск.	хлебоп.	б. ср.
6.	Вавила Тарабухин	„	каменщик	6
7.	Алексей Старостин	Нижегор.	токарь	20
8.	Василий Судаков .	„	медник	15
9.	Афанасий Ананьев	„	плотник	15
10.	Василий Умилин .	„	матрос	4
11.	Василий Гусев . .	Казанской	кузнец	20
12.	Анисим Федоров .	„	хлебопаш.	4
13	Георгий Зорненко	Херсонск.	котельщик	8
14.	Митрофан Сомов .	„	рыболов	6
15.	Федор Ерещенко .	„	матрос	4
16.	Михаил Соров . .	Тверской	торговец	20
17.	Ал. Смирнов . . .	„	писарь	8
18.	Михаил Медведев	„	слесарь	4
19.	Герасим Щербаков	Орловской	хлебоп.	б. ср.
20.	Степан Ильин . .	„	шахтер	4
21.	Иван Шундров . .	Пензенск.	хлебоп.	б. ср.
22.	Матвей Гутник . .	Черниговск.	„	б. ср.
23.	Архип Моисеенко .	„	„	б. ср.
24.	Влас Хотько . . .	„	„	6
25.	Иван Тимошенко .	„	„	4
26.	Федор Фокин . .	Тамбовск.	штукатур	б. ср.
27.	Василий Петров .	„	хлебопаш.	6
28.	Степан Озеров . .	„	дворник	4
29.	Кирилл Робак . .	Киевской	„	20
30.	Ефим Дудченко .	„	хлебопаш.	6
31.	Андрей Стальдиков	Курляндск.	слесарь	20
32.	Фриц Ревальд . .	„	хлебопаш.	6
33.	Василий Коротке-вич	Могилевск.	кузнец	20

Имя и фамилия	Какой губернии	Чем занимался до службы	Ск. лет каторги
34. Виктор Василенко	Могилевск.	хлебопаш.	8
35. Григорий Машко .	Виленской	телеграф.	15
36. Ал-ндр Домаков .	Новгород.	сапожник	15
37. Василий Культяпин	Костромск.	хлебопаш.	8
38. Петр Скворцов .	„	медник	4
39. К. Долмиров . . .	Пермской	хлебопаш.	6
40. Климентий Сопрук	Подольск.	плотник	6
41. Корнил Медведчук	„	хлебопаш.	4
42. Степан Леотко . .	Витебской	„	6
43. Тимофей Бачинский	Гродненск.	„	6
44. Дементий Стельмах	„	слесарь	4
45. Петр Волохов . .	Астраханск.	рыболов	4
46. Григорий Шига .	Минской	хлебопаш.	4
47. Владимир Микула	„	кузнец	4
48. Николай Клещик .	„	чернораб.	4
49. Сергей Зайцев . .	Саратовск.	кузнец	4
50. Ал. Степанов . . .	„	хлебопаш.	4
51. Федор Черных . .	Оренбург.	рыболов	4
52. Петр Мозжевелов	Петербург.	фельдшер	4
	В. Минеры		
1. Василий Кастд . .	Псковской	механик	б. ср.
2. Матвей Скипидаров	„	слесарь	20
3. Егор Михайлов . .	Тверской	слесарь	б. ср.
4 Сергей Федоров .	Новгород.	чернораб.	б. ср.
5. Ал-ндр Николаевский	„	пом. бух.	б. ср.
6. Николай Барыгин .	„	садовник	б. ср.
7. Василий Воронцов.	„	конторщ.	15
8. Иван Платонов . .	„	кочегар	10
9. Федор Банков . .	„	медник	10
10. Михаил Веселов .	„	столяр	10

Имя и фамилия	Какой губернии	Чем занимался до службы	Ск. лет каторги
11. Гавриил Виноградов	Новгород.	чернораб.	6
12. Федор Прозоров .	Владимир.	техник	б.ср.
13. Иосиф Шамшин .	Олонецк.	золотоб.	20
14. Никита Казанцев .	Орловск.	пом. маш.	20
15. Иван Щербин . .	Херсонск.	техник	15
16. Алексей Кожин . .	Рязанской	„	15
17. Яков Ноздрин . .	Петербур.	стекольщ.	20
18. Иван Лытиков . .	„	электрот.	20
19. Ян Конга	„	слесарь	10
20. Ал-ндр Иванов . .	„	„	10
21. Василий Якимов .	„	„	10
22. Леонид Исаев . .	„	„	6
23. Алексей Алексеев .	„	столяр	6
24. Кузьма Сепман .	„	кузнец	6

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОСЬЕ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

ДП 7 д-во, № 8, ч. 73, т. XI. 1906 г. О военных беспорядках в Свеаборге, Кронштадте и Ревеле.

(Л. 87).

17 июля 1906 года в крепости Свеаборг возник военный мятеж, сопровождавшийся также значительными беспорядками в г. Гельсингфорсе. По этому делу в департаменте полиции имеются до настоящего времени следующие сведения:

Крепость Свеаборг расположена на цепи островов, раскинутых полукольцом против г. Гельсингфорс и носящих, считая с востока на запад, следующие названия: Дегере, Лагерный, на котором расположены минная рота, батальон крепостного пехотного полка и около пяти рот артиллерии; затем: Михайловский, Александровский и Артиллерийский, составляющие главные форты крепости, а далее на северо-запад лежат группы островов Комендантского с управлением коменданта и церковью, Инженерного, Стрелкового, Госпитального, Ключевого и Николаевского. В центре этого полукольца находятся острова Опасный и Договорный, на коих хранятся огнестрельные припасы. Со стороны материка, почти от центра Гельсингфорса, выдается в море по направлению к Александровскому форту полуостров Скатуден, на котором находятся

казармы морского ведомства и рядом с ним здание тюрьмы; к востоку же от полуострова на рейде стояли минные крейсера и миноносцы.

В течение нескольких дней перед 17 июля в Гельсингфорс съезжалось довольно значительное количество русских революционеров, занявшихся усиленной пропагандой среди местных войск и вошедших в оживленные сношения с руководителями так называемой «красной гвардии». Повидимому, означенная агитация имела в виду подготовку военного бунта в связи с такими же замыслами революционных организаций поднять войска одновременно в наиболее крупных центрах всей империи.

Вечером 17 июля среди нижних чинов минной роты на Лагерном острове возникли недоразумения с начальством, при чем нижние чины, разобрав оружие, перешли к насильственным действиям. Волнение это быстро передалось на другой конец острова в лагерь артиллеристов, которые кучками с криками бросились к расположению батальона крепостного пехотного полка. Командир батальона полковник Раевский, быстро собрав людей, отбил нападавших и затем, опасаясь, что они воспользуются находящимися на этом острове батареями, захватил последние. Видя, что артиллеристы на катерах переехали на главные форты Михайловского, Александровского и Артиллерийского островов, куда к ним вскоре прибыла на помощь часть нижних чинов артиллерии с Комендантского острова и красногвардейцы, а также русские революционеры из города. Другая часть артиллеристов на том же острове напала на сараи, где были орудия и пулеметы, и перевезла их на Инженерный остров. В это же время был захвачен катер, на котором подъезжал к Комендантскому острову полковник Натора, при чем последний был сперва ранен одним выстрелом, а после просьбы его отправить в госпиталь был расстрелян и с привязанным к шее камнем брошен в

воду. Таким образом в руках мятежников, во главе коих стояли штабс-капитан Цион и офицеры Коханский и Емельянов, оказались наиболее серьезные укрепления на Михайловском, Александровском, Артиллерийском и Инженерном островах, откуда бунтовщики начали обстреливать Михайловский остров, на котором вскоре от неизвестной причины взорвался пороховой погреб. Со своей стороны верные долгу части крепостного полка из орудий и ружей с Комендантского острова обстреливали мятежников, среди коих означенный взрыв и огонь крепостного полка причинили значительные потери. Между тем к Свеаборгу направилась крейсеровавшая в Финском заливе эскадра с броненосцами «Слава» и «Цесаревич» во главе, при чем командующему ею было переслано на миноносце извещение коменданта крепости о возникшем бунте с просьбой обстрелять занятые мятежниками острова, не трогая Лагерного и Комендантского. Вслед за этим к эскадре приблизился захваченный восставшими пароход артиллерийского ведомства, на котором один из упомянутых изменивших присяге офицеров привез подложное отношение от имени того же коменданта с ходатайством обстрелять именно Лагерный и Комендантский острова. По обнаружении этого обмана, упомянутый офицер и пароход захвачены чинами эскадры, которая и открыла огонь по занятым мятежниками фортам. Таким образом совместными действиями эскадры, крепостного полка, двух рот стрелкового полка, казаков и прибывших из Вильманстранда войск мятеж был к 20 июля подавлен, при чем много раненых из участников восстания доставлено их единомышленниками в Гельсингфорс и скрыто в разных местах.

По агентурным указаниям с начала восстания в крепости гельсингфорская красная гвардия уже была распределана следующим образом: один батальон под

начальством бывшего фельдфебеля финских войск Лаптинена занимался порчей железнодорожного пути на линии Гельсингфорс — Петербург и взрывом моста у станции Симола; другой батальон занял позицию около полотна железной дороги в парке «Дюргорден». и третий стоял по Телевской дороге между сахарным заводом и Дюргорденом, все же остальные люди красной гвардии совершенно открыто возили и таскали оружие из города (рабочих домов) по Телевской дороге. В это же время происходили совещания местных революционеров в доме вольного пожарного общества, а русский революционный комитет совместно с начальником красной гвардии бывшим капитаном Коком (и повидимому фразером) устраивал свои заседания в гостинице «Cociete» и в доме рабочего общества. Главными членами означенного комитета, по негласным сведениям, еще не проверенным, состояли: бывшие члены государственной думы Михайличенко, Аникин, Аладьин и Седельников, а также неустановленные еще Мельников, Берлин, фон Фрикар, латыш-студент Берзин и портной эстонец Янсон.

В этот же день с утра совершал постоянные поездки между городом и крепостью студент Ярошевский, сын подполковника крепостной артиллерии, получавший, видимо, указания от означенного комитета; отец же его подполковник Ярошевский был замечен филерами гуляющим и оживленно разговаривающим с известным наблюдению финляндским революционером, поручиком бывших финских войск Георгом Прокопе.

В 7 часов утра 18 июля, т. е. после того, как ночью в Свеаборгской крепости бунтовщики завладели главными укреплениями, а штабс-капитаном Ционом (находящимся во временном отпуску в Гельсингфорсе) было доставлено на фронт достаточное подкрепление

из красной гвардии, над казармами свеаборгской флотской роты, расположенными на полуострове Скатуден. был поднят красный флаг с целью призыва матросов военных судов примкнуть к мятежу. В виду того, что мера эта не имела успеха, из казарм был открыт огонь из ружей и мелких орудий по минным крейсерам, которые ответили стрельбой по казармам из артиллерии и пулеметов; мичман же с крейсера «Финн» Деливрон смело направился на шлюпке к казармам и собственноручно сорвал красный флаг, но был убит бунтовщиками пятью пулями. Не выдержав огня с судов, мятежники покинули казармы и укрылись за тюрьмой, где уже их ожидали отряд красной гвардии и русские революционеры, которые угощением водкой и обещанием поддержки со стороны красной гвардии склонили матросов продолжать беспорядки. По распоряжению Кока из города было прислано еще до 200 человек. Тогда мятежники опять вернулись в казармы, вооружили прибывших красногвардейцев и около 2 часов дня в числе 300 человек под начальством штабс-капитана Циона и двух неизвестных русских революционеров двинули в город, но у моста их встретили казаки и две роты 2-го стрелкового полка, взявших на-изготовку. После этого бунтовщики разделились на две партии, из коих одна с ружьями повернула назад и на лодках скрылась на бывшие в руках мятежников форты, а другая, побросав оружие, бежала через железнодорожный мост в город, при чем часть этих лиц в количестве 110 матросов и 11 частных задержана войсками.

19 июля вечером помощником начальника Финляндского жандармского управления ротмистром Лявданским лично было доложено корпусному командиру генерал-лейтенанту Зайца о заседаниях революционного комитета и роли штабс-капитана Циона, а так-

же сообщено, где последний находился, тем не менее не только никто из членов революционного комитета и агитаторов, но даже и Цион арестованы не были.

20 числа, когда стало известно, что бунт в Свеаборгской крепости подавлен, красная гвардия объявила всеобщую стачку и пыталась создать ее вооруженной силой. Вследствие сего произошло столкновение между городской охранной милицией (белой гвардией) и красной гвардией, при чем из охранной стражи убиты: бывшие офицеры финских войск штабс-капитан Калоннус, поручик Окерман, архитектор Линдберг и несколько человек ранено, но подоспевшие войска отбросили красную гвардию и обыскали ее канцелярию, где найдено 86 винтовок, ящик с патронами, шесть мешков переписки (не доступной еще обозрению русскими властями), и арестовали 15 человек. Вслед за тем в городе произведены в нескольких местах обыски, при коих взято оружие и динамит, оказавшийся в одном из домов на Эриксон улице в количестве нескольких ящиков, при чем в этом помещении задержаны два красногвардейца и русский студент Игнатьев, назвавшийся сыном чиновника канцелярии его величества.

21 июля в 4 часа дня, по агентурным указаниям, в доме рабочего общества вновь состоялось под руководством капитана Кока совещание начальствующих лиц красной гвардии, с участием депутата от кронштадтских моряков и представителя гельсингфорсской полиции Констабля Лайне. Кок выразил свое неудовольствие многим командирам этой гвардии за то, что во время свеаборгского бунта они не могли во-время собрать свои части и оставили без достаточной поддержки бунтовщиков посылкой им подкрепления и нападением на войска, расположенные в городе. В виду этого Коком отдано распоряжение по всей красной

гвардии съехаться всем командирам на совещание, назначенное им в понедельник 24 сего июля в лесу около станции Фридрихсберг для обсуждения проекта о незаметном сосредоточении в г. Гельсингфорсе членов этой организации из всего края и о вооружении их для неожиданного нападения на русские войска, при чем предположено первоначально схватить стоящих у ворот казарм дневальных, у выходов устроить проволочное заграждение, а казармы поджечь при помощи керосина и взрывчатых веществ, когда же солдаты станут выскакивать, то расстреливать их из пулеметов и забрасывать ручными бомбами.

По негласным сведениям, в шведоманских сепаратистских кругах в эти дни тоже происходили какие-то совещания, но когда выяснилось, что флот остался верным долгу присяги, а в Выборгской крепости все спокойно, означенные группы стали явно против революции, а потому у красногвардейцев и не оказалось достаточного количества оружия, большая часть которого находится в руках шведоманов.

–

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора 3
И грянул гром 6
Откуда это началось 11
Жизнь учит — организует борьба 15
Классовая логика и эсеровский авантюризм . 22
Отступить в порядке, или итти до конца! . 31
Выход один — победить! 34
Собаке—собачья и смерть 42
Восстание укрепляется 44
Решающий день 51
Торжество победителей 56
Спор за добычу 63
Кронштадт 66
И тут эсеровский авантюризм 79
Крейсер „Память Азова“ 85
Свеаборг и дума 94
Слава погибшим борцам! 99
Живым добрая память 102
Революционность царской армии — в ее пролетарском составе 106
Каторжные века 112
Список свеаборжцев, приговоренных к каторге 116

Приложение:

Досье департамента полиции 121

Цена 75 коп.

№ 17-18 (387—388)

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

1. Правлению Издательства политкаторжан — Москва — ГСП. 10, Лопухинский переулок, 5; тел. 3-64-73; 1-31-26

2. Магазину Издательства политкаторжан — Москва Центр, Петровка, 7; тел. 4-18-12 и 3-63-20

2011138480